

# СЛИШКОМ МНОГО КОЛДУНОВ



12+

Ч.ЦЫБИКОВ  
Ц.ЖИГМЫТОВ

# **Цогто Валерьевич Жигмытов Чингиз Григорьевич Цыбиков СЛИШКОМ МНОГО КОЛДУНОВ**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=30808166](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30808166)*

*SelfPub; 2018*

## **Аннотация**

Действие романа происходит в начале XXIV века, в стране Альянде, занимающей территорию современных Франции, Германии и Испании. Герои, трое друзей Питер, Жак и Аслан, обнаруживают древний саркофаг, где находится женщина из XXI века. Защищая его от колдунов, злодеев и заговорщиков, они постепенно понимают, что мир находится на пороге катастрофы – и лишь узнав и поняв своё прошлое, они смогут её предотвратить. Иллюстрация на обложке: А. Овчаренко (archy13).

# Ч.Цыбиков, Ц.Жигмытов СЛИШКОМ МНОГО КОЛДУНОВ роман

## Глава первая, где Аслан аль-Джазия попадает в легенду

На закате июльского дня в мире, где всё уже произошло, в доме на окраине деревушки под названием Малый Лакон, расположенной в провинции Лангедок, молодой человек двадцати четырёх неполных лет медленно отступал спиной к двери, выставив саблю перед собой. В левой руке он держал свечу, которая больше мешала, чем помогала разглядеть его непрошенных гостей; их было двое, шагали они медленно, переваливаясь, и вслед за ними через выдавленное окно лез третий. Питер, не глядя, толкнул ногой дверь, петли заскрипели, повеяло прохладой.

– Вы кто? Что вам нужно? – громко произнёс он.

Незнакомцы не отреагировали. Квадратное лицо ближайшего к Питеру незваного пришельца не имело никакого выражения, и, казалось, что он даже смотрит куда-то мимо Питера, вбок и вдаль. Никто из них не был вооружён, и молодой человек, имевший репутацию неплохого фехтовальщика, чувствовал себя вполне уверенно – ровно до того мгновения, как ступил за дверь; он успел почуять быстрое движение сзади и даже почти развернулся, но тут в затылке будто взорвалась ослепительная петарда, и наступила тьма.

...Он разлепил веки, осторожно потряс головой. Подвешенный за связанные руки, он оглядел незнакомую круглую

комнату без окон, освещённую мягким желтоватым светом, и произнёс хрипло:

– Колдун. Я так и знал.

1

Мало где несправедливость мира ощущается так ясно и безнадежно, как в самых глухих его закоулках. Питер Кэтфорд, молодой учёный из Королевской академии наук, стоял на отвороте с Тулузского тракта, обозначенном столбом и доской с кривой надписью «...десь бу... тр...ктир», что означало, по всей видимости, «Здесь будет трактир». Указателю на вид было лет десять, а отворот вёл в деревню Малый Лакон, и в данный момент Питер мрачно эту самую деревню осматривал, пока что издалека. Даже в ярком полуденном свете солнца она выглядела не слишком приветливо: небольшие покосившиеся домики, кривые улицы, извилистая речка, кладбище, взбирающееся на угрюмый серый холм. Если бы молодой человек знал, что через пару часов его здесь ждёт засада и плен, он бы, не колеблясь, повернул обратно в столицу, Лютецию.

Но сейчас самой несправедливой для него деталью пейзажа был мобиль королевских эвакуаторов, торчащий на площади. Больше всего эта машина походила на огромную, размером с хороший сарай, рыбу. Короткие ...крылья? наверное, крылья – в нижней части и выпуклая блестящая полупрозрачная кабина спереди придавали ей ещё и сходство с гигантской мухой.

Это значило, что, во-первых, Питер опоздал. Во-вторых, это значило, что содержимое тайника древних, который собственно и был конечной целью его пути, в скором времени перекочет на склад службы королевской эвакуации, а не в лабораторию Академии. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что у Академии изначально не было никаких прав ни на тайник, ни на найденное.

В-третьих (и это, пожалуй, было главное), из первого и второго вытекало, что вся поездка из Лутеции до Лакона и обратно будет целиком за его счёт – заведующий кафедрой профессор Виннэ предупреждал Питера: если ему ничего не удастся найти и раздобыть хотя бы на время, Академия не станет возмещать ему расходы.

Медленно, но неотвратимо Питер начинал осознавать, какой он самонадеянный идиот.

У обычных людей, не таких везучих, как Питер, этот момент наступает, как правило, много раньше: они, обычные люди, обнаруживают, что не всё в мире движется согласно их желаниям, как-то справляются и живут дальше, играя в салочки и солдатиков. Месье же Кэтфорд, чью фамилию все норовили произнести как Кафор, с детства был балованным, небесталанным и довольно везучим – опасное при определённых обстоятельствах сочетание. После смерти родителей он, согласно их воле, пошёл учиться в Нормальную школу, которую с блеском и закончил; после этого он стал аспирантом на кафедре археософии в недавно образованной

Академии наук, быстро защитил научную работу по эллиптическим представлениям кривых и получил степень доктора абстрактных наук и должность заместителя заведующего кафедрой. Размеренная жизнь, признание маститых коллег, ранняя слава – немудрено, что Питер быстро и нечувствительно пришёл к выводу, что мир, в принципе, не так уж мудрён (куда уж ему до эллиптических кривых!), и если не целиком, то в его личной окрестности подчиняется его, Питера, желаниям и власти. И, обнаружив в архивах упоминания о ещё не описанном и не эвакуированном тайнике древних, он немедленно возомнил себя его открывателем и владельцем, ибо знать значит владеть, *n'est-ce pas?*

Ясный голос этого знания, увы, был слышен только ему, так как никто из его коллег по кафедре археософии в «Лангедокский тайник» не верил – главным образом потому, что поверившему грозили почти неделя тряски в дилижансе и бог знает сколько дней проживания в местности, где слово «наука» является травмоопасным; заведующий кафедрой профессор Виннэ в личной беседе прямо призвал молодого доктора наук не выпендриваться и искать наследие древних там, где все нормальные люди ищут, то бишь поближе к столице.

– И, что характерно, находят! – Господин Виннэ потряс сморщенным пальцем в воздухе. – Находят!

И, конечно, ничего не подписал; так казённая экспедиция стала отпуском за свой счёт. Питеру, правда, удалось при-

хватить в секретариате заверенную копию ордонанса о содействии Академии в её изысканиях, но этой бумагой его везение и ограничилось. Также ему никто не удосужился напомнить о том, что с недавних пор всё наследие древних является собственностью короны, которая распоряжается им посредством службы королевской эвакуации; и это тоже навело на малоприятные мысли о подлинном отношении к нему его коллег. Дорога сюда оставила недобрую память о себе во всех частях его организма: от внутренностей, которые, казалось, сплошь попеременялись местами, до спины и задницы, приобретших несвойственную их природе жёсткость и угловатость. А ведь надо было ещё возвращаться, а это всё те же трое суток дилижанса, трактир в Тулузе и попутная телега.

Питер потёр занывшую поясницу и решил, что переночует в деревне, а поедет домой уже наутро. Насчет ночлега он не сомневался, потому что он был пешком, а пеший путник, как известно, кажется более безобидным. И вообще, он странник в поисках истины, мрачно подумал Питер, вот кто он; его радость в том, чтобы делиться своими знаниями со всяким, кто поможет ему в его нелёгком пути. Любовь к истине и поиск её каждый день – вот высшая добродетель. Главное, найти верные слова, зовущие к высокому, к истине и добру, они суть ключ к сердцам людей, пусть и огрубевших под гнётом деревенской повседневности.

К сердцам и, что немаловажно, ночлегу в тепле под кры-

шей.

На этой мысли Питер сардонически хмыкнул, убрал по-дальше в сумку свинчатку и ножны с клинком, и отправился к деревне; на площади, возле мобиля эвакуаторов, как раз собирался народ, и молодой человек решил, что ему тоже интересно, каким именно образом проходит эвакуация сокровищ древних.

А может, удастся увидеть и ещё чего любопытного, кто знает.

2

Он спустился с пригорка, прошёл узкой кривой улочкой и вышел на площадь. Это была настоящая площадь, хоть и маленькая; на ней стояла часовня с башенкой и колоколом, сложенная из камня и вросшая своим тылом прямо в холм позади.

Рядом с мобилем были поставлены скамейки и стол, за которым по разные стороны сидели парень в эвакуаторской форме, усердно пишуший что-то, и бородатый мрачный тип, без особой охоты отвечавший на его вопросы. За типом выстроилось некое подобие очереди из его односельчан. Остальные жители деревни скромно расположились вдоль заборов прилегающих домов, образуя этакую живую рамку происходящего. В центре площади стояли два эвакуатора и беседовали с весьма представительного вида стариком с острой головой и зачесанными назад седыми волосами; старик, одетый не по-летнему тепло – в редингот и высокие са-

поги – опирался на суковатую трость, а его собеседники почтительно внимали ему, почти синхронно кивая головами. Питер, поколебавшись, направился к ним.

Один из эвакуаторов, повыше, что-то сказал второму, тот повернулся, и здесь Питер чуть не сел на землю от неожиданности: на него, не выказывая никаких эмоций, смотрел Аслан аль-Джазия, приятель, друг и однокашник Питера по Эколь Нормаль. Какое-то время они жили в одной комнате в студенческом пансионе на улице Сен-Жан, все трое – Питер, Аслан и Жак Делакура. С тех пор прошло четыре года, и настоящим учителем, с некоторой натяжкой, стал только Питер; Жак, бросивший учёбу за год до окончания ради лицензии уличного писаря, теперь ворочает делами на королевских контрактах, а Аслан вот – эвакуатор.

Мусульманин зашагал к Питеру и, уже подходя, на мгновение прижал палец к губам, и молодой ученый принял невозмутимый вид, будто бы и не знает его вовсе. Пока Аслан доставал карандаш и листал планшет, ища чистые страницы, Питер произнёс негромко:

– Поздравляю.

– С чем это? – осведомился Аслан вполголоса.

– С успешной эвакуацией тайника, конечно, – в голосе Питера прорезалась горечь. Аслан неопределённо покивал, пожевал губами, затем совершенно официальным голосом заговорил:

– Лейтенант-стажёр королевской эвакуации аль-Джазия, к

вашим услугам. Кто вы, и с какой целью здесь находитесь?

– Питер Кэтфорд, доктор наук, Королевская Академия, – ответил Питер спокойно, протягивая документы и подорожную. – Здесь нахожусь с целью исследования тай... . . .

– Понятно, – перебил его Аслан. – А с какой целью здесь находитесь?

Питер недоумённо уставился на своего однокашника.

– Я же говорю, тайник дре... . . .

– Я уже понял, кто вы, – нетерпеливо и снова чуть громче, чем следовало бы, произнёс Аслан. – С какой целью прибыли в Малый Лакон?

До Питера дошло.

– Так вы не знаете про тайник, – быстро прошипел он. Аслан кивнул, вернул бумаги и произнёс, будто записывая его слова:

– «Сельскохозяйственные исследования»... . . . Какого рода исследования?

– Всхожесть зерновых, – с энтузиазмом, громко сказал Питер. – И её эллиптическая зависимость от фаз луны. Понимаете, лейтенант... . . .

– Лейтенант-стажёр, – строго поправил его Аслан.

– Понимаете, лейтенант-стажёр, в этой провинции фазы луны особенно влияют на кривую всхожести. Мы с профессором Виннэ считаем, что... . . .

– Понятно, – снова перебил его эвакуатор, слегка покачав головой; Питер понял, что зарываться не стоит. – Вот что,

доктор э-э-э... – Аслан заглянул в планшет, – Кафор, здесь для вас небезопасно. Вам надо покинуть деревню в ближайшее время.

– А в чём дело, лейтенант-стажёр? – вполне искренне осведомился учёный.

Аслан обернулся к своему начальнику, продолжавшему беседовать со стариком; тот увидел его движение. Мусульманин кивнул в сторону Питера, в ответ эвакуатор кивнул Аслану.

– Мы здесь по поводу пропажи людей, – сказал Аслан, поворотившись обратно к учёному. – Шесть человек исчезли с начала лета.

– А почему не полиция? – спросил Питер.

– В здешних лесах видели чудовищ, – закончил лейтенант-стажёр. – Поэтому.

И, понизив голос, Аслан произнёс:

– Тебе лучше уехать, побыстрее.

– Лейтенант-стажёр! – окликнул Аслана эвакуатор.

Мусульманин закрыл планшет и добавил ещё тише, но очень явственно:

– Гляди в оба.

И удалился.

Питер, убедившись, что более никому он не интересен, примкнул к небольшой группке зрителей у ближайшего штакетника; он попробовал улыбнуться, но деревенские молча отодвинулись от него. Вскоре к ним подошёл и представи-

тельного вида старик, который закончил беседовать с главным эвакуатором. В отличие от остальных, старик кивнул учёному хоть и мрачно, но вполне приветливо. Питер кивнул ему в ответ и, рассеянно наблюдая за разговорами и перемещениями на площади, погрузился в размышления.

Итак, эвакуаторы прибыли не за тайником могущественных наших предков, что ушли из мира почти триста лет назад и оставили после себя многочисленные схроны с артефактами. Некоторые артефакты удавалось понять и использовать (как мобили), но большинство из предметов оставались загадками. Все обнаруженные тайники древних надлежало сдать службе эвакуации, которая свозила найденное на склад в Лютеции; служба выплачивала компенсацию нашедшему по твёрдому тарифу, а тем, кто пытался скрыть сокровища древних, грозило уголовное преследование.

В голове у Питера начал зарождаться смутный план. Он внимательно посмотрел на деревенских, затем на эвакуаторов. Затем снова на деревенских, и опять на эвакуаторов. Похоже, местные не сильно им рады, заключил он про себя. Вот если бы местные решили доверить тайник ему, а уже он выступил бы нашедшим и сдал бы его эвакуации, но чуть попозже, а деньги, конечно же, вернул бы им (минус расходы на транспортировку), то было бы очень даже замечательно.

Питер огляделся и увидел старика, по-прежнему стоявшего неподалёку.

– Простите, уважаемый, – начал молодой человек. – Кто

в этой деревне староста?

Старик медленно повернул к нему голову, несколько секунд оглядывал его, будто впервые увидел, затем произнёс увесисто:

– Я староста. Жан Легри, к вашим услугам.

Питер окончательно убедился в том, что провидение по-прежнему на его стороне.

– Я Питер Кэтфорд, учёный, Академия наук, – сказал он, стараясь звучать скромно и достойно. – Мы можем поговорить наедине?

Легри снова секунду-две смотрел на него, затем произнёс: – Конечно.

И пошёл на площадь. Питер, чуть замешкавшись, направился за ним следом. Перед мобилем все трое эвакуаторов слушали бородатого мужика, который, картавя, махал руками и громко говорил:

– ...Поэтому, господин лейтенант Мюко, трактир нам нужен! Нам без трактира никак, префектура наконец дозволила, дело за вами только осталось. А что люди пропали, так где не пропадают? И мы от всей деревни вам обещаемся, что более такого не будет, у нас больше не пропадёт никто. – Он быстро посмотрел на Питера и на старосту, затем снова устремил взор на эвакуаторов. – Вы только разрешение подпишите, а мы уж не забудем.

На последней фразе его интонации стали заискивающе-просительными. Питер вспомнил столб с надписью на

повороте. Для трактира нужно разрешение эвакуаторов. Конечно же.

– Разрешения мы дать вам не можем, господин Клод, – сказал Аслан устало, но твёрдо.

– А чудовища как же? – закричал бородатый Клод, зрители зашумели и поддержали его в том смысле, что да, чудовища, как с ними быть? Питер почувствовал, что тупеет.

– Нет, – твёрдо сказал Аслан.

– А я не с тобой говорю, нехристь, – неожиданно дерзко заявил Клод. – А вот с господином просто лейтенантом Мюко.

Аслан шевельнул скулами, но смолчал. Лейтенант Мюко хмуро покачался с носков на пятку, затем произнёс.

– Лейтенант-стажёр аль-Джазия прав. С одной стороны, действительно чудовища, с другой, люди у вас пропадают. Разрешения сейчас мы дать не можем. Лейтенант-стажёр Джазия, лейтенант-кандидат Люц. Мы отправляемся в Каркассон, а оттуда в Тулузу. В Каркассоне мы пробудем два дня. По местам!

Аслан остро и коротко глянул на своего командира, но тот уже направился к мобиле; Питер отошёл подальше. Мусульманин и третий эвакуатор, Люц, запрыгнули в кабину вслед за Мюко, машина зашумела, начала подниматься над землёй – раздались восхищённые охи, – развернулась и поплыла по улице, плавно набирая скорость. Через минуту лишь оседающее облако пыли напоминало о самом быстром транспорте

в Альянде.

3

Почти сорок лет назад король Жози Второй сумел привести к миру разрозненные халифаты Пиренейского полуострова. Большая Франция, германские княжества и Пиренеи стали одной страной – Союзом Света, Алиан де Люс, Альянде. Католики севера и центра, мусульмане и язычники юга и запада, реформаты востока обрели единого короля – так официально назывались захват и покорение новых земель. Столица осталась в Париже, но за это заплатили её переименованием – теперь этот город назывался Лютецией, а второй по счёту сын действующего монарха, носивший титул герцога Немурского, был обязан принимать ислам; неплохая цена за порядок, при котором можно более или менее спокойно путешествовать в одиночку – по крайней мере днём и по крайней мере по эту сторону от Пиренейских гор.

Но почему-то Питер, шагая вслед за старостой к часовне, уже несколько раз вспомнил, куда именно он спрятал свою саблю и свинчатку. Они прошли в небольшой дворик, где обнаружилась изящная веранда, посреди которой стоял накрытый стол.

– Не сочтите за труд разделить с нами скромную трапезу, молодой человек, – величественно произнёс староста Легри, поворачиваясь к нему и делая пригласительный жест. – Говорить о делах приятнее на сытый желудок.

В дальнем углу веранды Питер увидел скамейку, на ко-

торой сидели три старухи. Старухи были неодинаковые: две были совсем старыми и, похоже, даже слепыми, а третья была помоложе и смотрела на Питера ясно и угрюмо. Зачем они здесь, подумал Питер; Легри торопливо произнёс:

– Мы думали, что господа эвакуаторы отобедают с нами. А развлечений у нас в деревне мало. Это...

Он не успел закончить – старушки грянули слаженным дуэтом:

– Поёт лиса, поёт медведь,  
Лошадки в поле больше не видать,  
Поёт лиса, поёт медведь,  
Лошадки в поле больше не видать!

– Тихо! – прикрикнула третья. – Это не эвакуатор.

– А кто ж тогда? – скандально осведомилась первая, незряче поведя носом и с неприятной точностью уставив его прямо на Питера. Учёному страшно захотелось отойти в сторону, чтобы проверить, сумеет ли она проследить за его движением.

– Э-э, – произнёс он.

– Молодой, – одобрительно сказала вторая. Она сидела, склонив голову набок. – Это хорошо.

– Это господин учёный, они из столицы, – сказал староста, указывая Питеру, где сесть, и сказал ему тоном ниже. – Не обращайтесь на них внимания, кушайте.

– А и то верно, не эвакуатор, – сказала первая старуха. – Одежда на нём другая. Бумагой пахнет.

– Лопай, голубчик, лопай, – сказала вторая. – Чего добру-то пропадать.

А полопать было что: староста, назвав трапезу скромной, был бы прав, если бы с Питером за стол село ещё человек так пять-шесть. Здесь был камамбер, основа хорошего завтрака, был салат из практически всех созревших к этому времени овощей и плодов, заправленный, как принято на юге, оливковым маслом; порции бифштекса с картофелем во фритюре стояли в центре, молчаливо осознавая свою фундаментальную роль, тарелки омлета с грибами, зеленью и фаршированными помидорами вносили дружеское разнообразие в их ряды; было даже первое – благородный в своей простоте луковый суп, заправленный твердым мюролем; был и белый сыр, коий следовало употребить до десерта, чтобы снять вкус основных блюд, правда, сам десерт отсутствовал; зато было много свежего хлеба и кувшины совсем молодого, судя по струйкам аромата, вина.

– Здоров, однако, – одобрительно произнесла первая старуха, вторая захихикала; Питер едва не поперхнулся с набитым ртом. Третья старуха шикнула на них, а староста Легри, сидевший во главе стола, произнёс:

– Так о чём вы хотели поговорить, уважаемый учёный?

Питер дожеввал булочку с сыром, запил.

– Я могу поработать у вас общественным писарем, или научить людей чтению и письму, или...

– Или привести в порядок наши бумаги, или рассказать

нам о столичных диковинках, – продолжил за него староста. – Или сделать карту наших земель, или помочь нам найти места для колодцев. Всё это я понял сразу, как только вас увидел.

– Староста-то наш голова, – сказала одна старуха распевно. – Сразу понял.

– Томилис, – скривившись, проговорил Легри. – Уйми их. Третья старуха, не меняясь в лице, коротко дёрнула за веревку, которая обнаружилась в её руке; звякнул колокольчик. Старухи немедля затянули треснутыми голосами, не без приятности для слуха выводя простую мелодию:

– Лошадка поле перешла,  
Лошадка чьё-то сено сожрала!

Томилис зажала колокольчик и похлопала певич по рукам, они замолкли. Питер увидел, что верёвка с колокольчиком была привязана к их поясам. Поводырь.

– Я знаю, что в вашей деревне есть тайник древних, – прямо и очень неуклюже сообщил Питер. – По закону вы должны либо сдать его эвакуаторам сами, либо объявить о находке на паях с кем-нибудь, кто позже сдаст его эвакуаторам.

Староста молчал, разглядывая его с каким-то новым, непонятным интересом. Питер выждал некоторое время, затем, набрав в голос торжественности, произнёс:

– От имени Королевской Академии наук я сообщаю, что Академия готова выступить вашим партнёром в поисках тайника древних и может взять на себя все формальности,

бумаги и процедуры по его передаче короне.

Получилось очень внушительно. Питер посидел надувшись ещё пару секунд, затем стал накладывать себе пюре.

– Почему вы один? – неожиданно спросил Легри.

Питер стиснул зубы. Старик бил прямо в точку.

– Тайников в Альянде много, – сказал он, сделав вид, что жуёт. – Учёных не хватает.

– А что будет, если мы согласимся, а тайник не найдётся? – продолжил староста. Молодой человек почувствовал, как по спине стекает прохладная капля пота, явно не последняя.

– Этого не может быть, – сказал он как можно более уверенно.

– Тайник могло смыть наводнением, он мог провалиться в землю от землетрясения, его могли найти язычники или мусульмане, – перечислил староста будто бы даже с некоторым злорадством. – Нашу деревню, как вы знаете, дважды сжигали дотла.

– Так точно, дотла, до камушка, – с каким-то даже удовольствием подтвердила первая старуха. – В первый раз мне глазки выжгло, а во второй раз Койе.

И все трое захихикали, будто речь шла о чём-то очень смешном. Питер кивнул, хотя ни о чём таком он, естественно, не знал. Одна страница и половина карты, с трудом расшифрованные – вот всё, что у него было. Кто-то в глубине его сознания не без ехидства заметил, что староста Легри говорил почти теми же словами, что и его заведующий кафед-

рой.

– Я был бы рад вам помочь, молодой человек, – сказал старик почти сочувственно. – Но я понятия не имею, что это за тайник, и где он может быть.

– Может, кто-то ещё знает? – сказал Питер со слегка вздорными интонациями. – Из старожилов.

На старух он не смотрел. Староста поднял брови, затем покивал.

– Может, и знает. Но сегодня все выезжают в Каркассон, вернутся через день-другой.

– За эвакуаторами? – ляпнул Питер.

Жан Легри внимательно посмотрел на него.

– Нет, – сказал он после длинной паузы. – На ярмарку.

– Нам трактир нужен, – сказала старуха Койя. – А вокураторы разрешения не дают. Да, Лула?

– Оно и понятно, деревня у нас бедная, – согласилась Лула. – Вот если бы мы про тайник им сказали, или про полезных генералов, тогда б они сразу...

– Про генералов? – переспросил Питер.

– Ну да, – сказала старуха. – Про медь, кремень и других полезных генералов. Только тут их отродясь не водилось. Вот тайник бы был, да только нет его. И никто не знает, где ж его искать.

Питер нахмурился. Была в их речах какая-то двусмысленность. И ему кажется, или у старосты и правда лицо какое-то уж слишком спокойное?

– Никто не знает про тайник, – пропела старуха Койя. – Ни Жан не знает, ни Томилис, ни Лула вот тоже не знает. Ещё Клод не знает, и Жуж не знал, и Рене...

Томилис дёрнула за верёвку и сказала коротко «Пошли». Все трое, толкаясь и хихикая, стали протискиваться мимо Питера, который попытался было встать, чтобы пропустить их, но Томилис неожиданно надавила ему на плечо: сиди.

– Отведу их домой, – сказала она старосте.

– Отведи, отведи, – раздражённо бросил староста и отвернулся. Питер успел увидеть, что его было болезненно сморщено, и его осенило: да они же муж и жена! Сходство, приобретённое годами несчастливой совместной жизни, было очевидным.

Все трое затаили на ходу с уже привычной для уха слаженностью:

– Зима идёт, уже зима идёт!

Лошадка в поле больше не придёт!

Но Питер не услышал, что там случилось с этой своенравной лошадкой, потому что в руку ему твёрдо ткнулся небольшой острый предмет, а прямо над ухом кто-то еле слышно, но очень ясно произнёс:

– Спрячь и гляди в оба.

4

Аслан аль-Джазия стоял перед мобилем с равнодушным видом, что удавалось ему с огромным трудом. Хорошо, что он был смугл, и не было видно, как меняет цвет кожа его

лица: общение с Клодом у него сразу не заладилось, ещё в деревне.

– Пусти меня, – повторил Клод нагло. – Разговор у меня к твоему начальству есть.

От него пахло пылью и потом.

– Не положено, – повторил и Аслан. – Нет от вас заявки на аудиенцию.

И помахал перед его носом пустым планшетом.

– Я от самого Лакона ехал, а ты!

– Так ты на ярмарку ехал, – парировал Аслан. – Так и иди туда.

Ярмарка занимала гигантский квадрат земли сразу за главными воротами Каркассона; шумела она уже не так, как днём, потому что через несколько минут закрывалась, но запахи мяса, рыбы, овощей, кожи, еды, деликатесов, приправ разной степени свежести и готовности заполняли всё вокруг – этот дух не исчезнет до утра и будет стоять здесь ещё неделю после.

Клод помолчал, на его лице отразилась мощная внутренняя борьба. Наконец она закончилась, и бородатый лаконец придвинулся к мусульманину, прошептал заговорщицки.

– Тебе, может, надо чего? Яйца есть, куры. – Он поколебался. – Вино. Пропусти, а?

– Скажи, что за дело, – велел ему Аслан, глядя прямо в его глаза.

– Разрешение нам надо, – сказал бородач без колебаний. –

Нам без трактира никак. Загнёмся мы.

– Так не даст он вам разрешение, – ответил Аслан. – У вас там люди пропадают.

– Так это ж... – Клод запустил пятерню в бороду. – Это ж дело житейское. Зато чудовища шастают вокруг, а с трактиром путникам спокойнее будет. Может, и пропадать меньше начнут?

– Может, – согласился Аслан. – Но он не даст.

– Может, даст, – и бородач выразительно покосился на свою плотно набитую сумку. Аслан сделал вид, будто колеблется, огляделся. И задал самый важный вопрос, будто бы между делом.

– А этот... учёный-то уехал уже?

– Да как же уехал, – воскликнул Клод. – Он со старостой пировал, когда мы уезжали.

5

Питер сидел на единственном в комнате табурете и, подсев поближе к свече, крутил в руках штуку, которую ему дали старухи – он так и не понял, кто именно из них, но почему-то думал на Томилис. Штука больше всего походила на мастерок. Увесистая, при этом ощутимо тёплая, рукоятка. Изгиб ручки низкий, так что мастерок напоминал ещё искривленный широкий тупой нож или маленькую треугольную лопатку. В центре на рабочей плоскости был изображён круг, заключенный в две дуги; не сразу, но молодой человек сообразил, что это, скорее всего, глаз; под глазом были вы-

ведены три буквы, складывающиеся в подпись «МІТ» – видимо, инициалы кузнеца или, скорее, знак мануфактуры. На обратной стороне обнаружилась тонкая инкрустация: незнакомый, очень сложный узор покрывал лопатку снизу целиком. На вид мастерок был новый, потому что им, похоже, ни разу не пользовались по назначению, но одновременно он был и совсем не новый, а очень, очень старый.

Точнее, древний.

– Так-так-тааак, – сказал себе Питер Кэтфорд.

И огляделся, хотя в тесном тёмном домике, который предложил ему староста для ночлега, эта предосторожность, конечно, особого смысла не имела. Питер спрятал мастерок поглубже в сумку, а ножны с саблей, наоборот, вытащил и положил к изголовью кровати; свинчатку, поколебавшись, сунул обратно – он был не мастак в кулачном бою, и кисть себе неудачным ударом выбить мог запросто.

Совершенно один в глухой деревушке, среди чужих людей. Где-то здесь был тайник древних, об этом ясно говорил мастерок. Но кроме тайника, у лаконцев ничего не было, а они хотели построить трактир, для чего требовалось разрешение эвакуаторов. Возможен ли такой размен, и как им в этом поможет Питер? Они боятся, что могут остаться и без сокровищ, и без трактира; именно поэтому таким образом сообщили ему о тайнике – чтобы, если вдруг что, можно было отказаться... Ещё где-то рядом были поющие слепые старухи, которые что-то знают; люди, которые не будут больше

пропадать; чудовища, шастающие в здешних необъятных лесах и болотах; и, самое главное, староста с правильной речью и пронзительным взглядом.

В одиночестве и тишине думалось хорошо, спокойно. Питер начал перебирать в памяти события дня. Когда старухи наконец убрались, Жан Легри прямо спросил у него, на чём основана уверенность Питера в том, что тайник в деревне. Питер пошёл напролом и рассказал всё, что знал: что архивы обрывочны и зашифрованы, система обозначений древних другая; но конкретно эту страницу он понял однозначно и готов в этом поручиться.

Староста сказал, что если тайник в деревне действительно есть, что Академии потребуются люди, чтобы его вывезти. А для людей нужно жильё и еда. Всё это мог бы дать трактир, но, как вы поняли, его у нас нет, потому что... Питер не слишком вежливо остановил старосту, заявив, что Академия может поспособствовать в разрешении и этого вопроса. Староста даже не потрудился сделать вид, что поверил, и предложил Питеру показать домик, где он может переночевать – всё равно все жители вернутся только завтра, и советоваться надо с ними; он, староста, на себя такую ответственность взять не может.

По дороге к домику, который оказался на окраине деревни, Питер, стараясь сгладить впечатление от своего неуместного бахвальства, рассказал Легри про то, какие бывают сокровища в тайниках древних: про мобили, про оружие, про

вечные перья, про зеркальца с картинками, про говорящие коробки, про саркофаги... Саркофагами староста неожиданно заинтересовался, и Питер, с усилием вспоминая подробности поинтереснее, сообщил ему, что это в этих черных гробах, согласно общепринятому мнению, лежали сами древние. Правда, такой саркофаг ещё никому не удалось открыть, чтобы узнать точно – они были абсолютно неуязвимы, поэтому их обычно бросали там же, где находили, по причине их полной бесполезности и неподъёмности; сплошь покрытые проклятиями эвакуаторов, грузчиков и искателей сокровищ, они лежали зловеще и недвижно в разграбленных тайниках, храня секреты исчезнувшего мира.

– Здесь переночуете, – сказал Жан Легри, указывая на невзрачный домик с одним-единственным окном и маленькой дверью без крыльца. – Здесь Руж жил, торговец бродячий, пока не пропал. Постель там есть, свечи на полке, дверь на засове. Ставни лучше закройте, от греха.

Питер кивнул и спросил утвердительно:

– Так завтра мы...?

– Возможно, – сказал староста без энтузиазма. Питер почувствовал, что надо бы как-то закрепить достигнутый, как ему казалось, успех.

– Ведь тайны древних принадлежат науке, – сказал он проникновенно. – Мы должны понять и изучить наших предков, и почему они...

– Разумеется, – перебил его староста Легри. – Академия

говорит, что древние принадлежат науке, эвакуаторы – что их надо охранять во имя безопасности, прокуроры – что они не должны попасть в преступные руки...

– Прокуроры? – ошеломлённо переспросил Питер.

– Королевская прокуратура действует ещё медленнее, чем эвакуаторы, – без улыбки сказал Жан Легри. – Но на днях и они обещают прибыть. Спокойной ночи, месье Кафор.

...Питер ещё раз вспомнил весь разговор и решил про себя, что в любом случае дела обстоят гораздо лучше, чем он думал, когда стоял и смотрел на деревню с тракта. То, что в деревню нагрянут ещё и прокуроры, а за ними бог знает кто ещё, говорило о том, что лаконцы будут использовать все выпадающие им возможности, и хотя Питер, представлявший Академию, был лишь одной из них, причём далеко не самой важной, он понимал, что...

Он не успел додумать эту мысль и сформулировать, что именно он понимал. С окна с треском слетели ставни, а затем через раму, выдавив её, внутрь полез человек. Питер вскочил, вынул саблю, схватил свечу и изготавился. Первый человек встал и пошёл на него – медленно, переваливаясь с ноги на ногу, за ним в окно пролез другой, уже ногами вперёд, за вторым лез третий. Питер, не глядя, толкнул ногой дверь, петли заскрипели, повеяло прохладой.

– Вы кто? Что вам нужно? – громко произнёс он.

Незнакомцы не отреагировали. Квадратное лицо ближайшего к Питеру незваного пришельца не имело никакого вы-

ражения, и, казалось, что он даже смотрит куда-то мимо Питера, вбок и вдаль. Питер, заглядевшийся на его лицо, успел почуять быстрое движение сзади и даже почти развернулся, но тут в затылке будто взорвалась ослепительная петарда, и наступила тьма.

...Он разлепил веки и понял, что подвешен за связанные руки; оглядел незнакомую круглую комнату с каменными стенами без окон, освещённую мягким желтоватым светом, и произнёс хрипло:

– Колдун. Я так и знал.

И увидел, как из-за черного саркофага, висевшего в центре комнаты, вышли трое.

6

У господина Жана Антуана Филиппа Легри, старосты деревни Малый Лакон, заседателя окружного суда и прожектиля второй ступени братства Урании, день определённо удался. Жаль, конечно, что троим ленивым придуркам, которые по чьему-то бараньему недосмотру вообразили себя борцами с чудовищами, удалось ускользнуть, но ничего, на сегодня хватит и одного молокососа. Щенок сумел найти деревню, думал староста; сумел прочитать тайны древних, значит, будут и другие.

– Не люблю молокососов, – произнёс Легри вслух.

Юнец, висящий у стены, не ответил ему – он очнётся, но не сейчас. Двое субурдов шевельнулись, но, сообразив, что это не команда, снова застыли, сберегая тепло. Саркофаг

в центре круглой комнаты, бесконечно чёрный и идеально прямоугольный, остался неподвижен.

Староста не любил молодых да ранних потому, что сам он стал некромантом поздно. Зато, утешал он себя, это был зрелый шаг, Франциск ему ведь так и говорил, и в братстве это понимают. Несомненно понимают. Только не говорят они ему ничего, вот уже с десять лет ни слуху ни духу... Ну да и ладно, ему и без них хорошо: когда ты могуч, неуязвим и когда у тебя есть цель, тебе некогда предаваться скуке и унынию.

Это случилось давно, жаркой летней порой, когда не хватает ни рабочих рук, ни длинного-предлинного дня. Запись в книге расходов и доходов, которую он завёл, подражая спесивым городским заседателям (он виделся с ними на окружном суде, куда его тоже избрали), гласила:

«12 курей отдал в уплату долга соседу Люшу. Сегодня произошло воистину удивительное событие. Заканчивая рыть яму для погребца, наткнулся на скрытую в глубинах холма пещеру, которая вела, казалось, в самое сердце земли. Пришлось изрядно потрудиться, с тем чтобы расчистить ход, но оно того стоило – в конце пещеры обнаружилась дверь. С помощью самого тяжёлого лома и колуна удалось ослабить один засов, а к утру следующего дня дверь подалась».

«У меня не хватает слов, чтобы описать это чудо. Большая круглая комната, как будто бы освещена; в центре стоит хрустальный гроб, в коем лежит молодая женщина удивитель-

ной красоты – вот что я увидел в образовавшуюся щель, и с удвоенной силой начал взламывать преграду, но не прошло и минуты, как хрусталь, из которого он был сделан, стал чернеть прямо на глазах. В отчаянии я просунул голову в зазор, надеясь запечатлеть её образ, но увы мне, было поздно, и я застрял в глупейшем виде: голова внутри комнаты, а тело в пещере. Спасла меня моя супруга, да продлят небеса её дни. Её издевательства и насмешки – наказание за мою нетерпеливость и горячность. Я их принимаю кротко, как подобает смиренному прихожанину».

В течение нескольких лет после досадного застревания головой Жан Легри открывал гроб силой, и даже хотел купить и перенести в тайную комнату новейший паровой кузнечный молот – но тогда-то и обнаружил, что проклятый саркофаг имеет свойство восстанавливать утраченные куски, залечивать сколы и выбоины. Единственной зацепкой были углубления в форме ладони – два по бокам и одно с торца. Вначале он решил, что дело в размере: сделал отдельный вход в пещеру, жадно искал обладателя подходящих конечностей и уговорами, угрозами, а иногда за плату водил их «приложить ручку». Ничего не помогало. Томилис язвила, он огрызался, жизнь продолжалась такой, как и была – серой, пугливой, обыденной; лишь воспоминание о том самом дне согревало его.

Пожилой знахарь по имени Франциск попал в их дом на исходе осени, в начале ноября. Томилис встретила его по до-

роге к Лакону, помогла ему нести сумку, они разговорились, и выяснилось, что доброму страннику негде переночевать, а у бездетных супругов Легри как раз найдётся место. Жан равнодушно смотрел, как его супруга беседует за столом с путником о всякой ерунде вроде трав и погоды, затем собрался было снова навестить саркофаг, как неожиданно их гость окликнул его скрипучим голосом:

– Милейший хозяин, разрешите с вами поговорить с глазу на глаз?

Легри так удивился, что разрешил.

Разговор состоялся у входа в пещеру с саркофагом. О чём они говорили, Легри не рассказывал никогда и никому, включая и Томилис, и в дневник свой ничего не записал. Старик исчез сразу после разговора. Его видели на тракте ранним утром – он шёл пешком, налегке, с пустыми руками.

Без сумки.

Жан Легри, разобравшись с дарами странника, уже через месяц создал своего первого субурда, а еще через пару недель, как и договаривались, отправил первый материал знахарю; Франциск в нём не ошибся. Проблема нехватки рабочих рук была решена на корню, и месяц спустя он взялся за саркофаг с новыми силами. Однажды он проснулся особенно возбуждённым, всё утро ходил по дому туда-сюда; Томилис равнодушно смотрела, как он скрылся в пещере, прихватив свой дневник, свечи и перо с чернилами. Вернулся он оттуда неожиданно скоро, радостный, счастливый – и с

разбитыми в кровь руками.

«...удивительное событие случилось тогда, на самом пике моего отчаяния и безнадёжности. Я несколько раз ударил кулаком по чёрному камню, не обращая внимания на боль – и чудо! чудо! – крышка гроба сдвинулась на полпальца и тут же стала на место. Я немедленно остыл и напряг весь мой разум. Осмотрев гроб, я обнаружил на нём капли моей крови из разбитых рук. Полагаю, это оно. Я нащупал путь – он, как и должно, лежит через кровь».

7

Круглая каменная комната, а в самом её центре черный прямоугольный монолит. Над ним грубо сколоченная деревянная конструкция вроде лесов, а с её верха спускается огромный мясницкий крюк на толстой верёвке, перекинутой через блок. Крюк весь в черном и липком, и Питер, приглядевшись, понял, что и монолит тоже. И запах – тяжкий густой запах с оттенком железа.

Кроме него, в комнате было ещё трое: староста Легри, стоявший в изголовье саркофага и бормочущий что-то себе под нос, и двое незнакомцев – один размеренно вытравливал веревку с крюком, второй с жуткими лязгающими и скребущими звуками точил что-то железное в углу.

Питеру стало совсем нехорошо. Знаменитые «Методы» господина Тюрго, барона д'Ольна, работа, снискавшая ему европейскую славу, где он с помощью простых умозаключений наглядно показал невозможность магии, чародейства

и ведовства, была настольной книгой Питера ещё во времена студенчества. Господин Тюрго, несмотря на преклонный возраст, до сих пор возглавлял созданную им Академию наук, ремёсел и душевных радостей, и, разумеется, все, кто трудился в её стенах, полностью исключали самую возможность существования ведьм и колдунов.

– О, вы очнулись, – благожелательно заметил староста. Его произношение стало ещё чётче; такая речь была бы уместна в салоне мадам Жирарден, но никак не в этом языческом святилище. – Колдун, говорите... Но колдунов ведь не бывает, господин Кэтфорд. Вам ли об этом не знать.

Король Жози Второй под впечатлением от «Методов» подписал специальный ордонанс, объявляющий всей стране, со ссылкой на Академию, что колдовства не существует, и запретил государственным и муниципальным органам принимать от граждан и крестьян жалобы на оное. Лучшего способа похоронить авторитет Академии среди крестьян и жителей провинций и придумать было невозможно. Питер теперь понимал и профессора Виннэ, и своих коллег по кафедре: их нелюбовь к экспедициям была вызвана не столько ленью, сколько страхом, в котором никто из них не решался признаться даже себе.

– В саркофаге древний человек, – заговорил Питер. – Помните? Ему не нужны жертвы, он человек, а не бог. Ваша настоящая сила в том, что жители деревни боятся вас. Этого можно добиться и без крови. Я имею в виду, без настоящей

крови. Есть вещества, похожие на...

Колдун ударил его тростью наотмашь по лицу. Питер дёрнул головой и на несколько секунд утратил ориентацию в пространстве от боли.

– Самый простой и быстрый способ привлечь внимание собеседника, – сказал колдун кротко. – Я знаю вашу братию. Вы не заткнётесь, пока не кончатся ваши лживые и дурацкие гипотезы, которые вы будете исторгать из своего трусливого рта, лишь бы только ваш зад был в тепле и безопасности. Вы ничего не знаете о настоящей работе, о настоящих жертвах и истинной цели.

Пока он говорил, один из его подручных, здоровый бугай в грязной рваной одежде, медленно и неловко зацепил крюком за веревки, что стягивали ноги Питера. От подручного разило гнилью, а его глаза смотрели в разные стороны. Второй помощник спустил Питера пониже, а первый, к тому моменту подошедший к блоку, потащил перекинутую через него веревку на себя.

Подвес ослаб, Питер упал на утоптаный пол, и его лицом вниз поволокло за ноги к саркофагу. И тут он почувствовал, что веревка, на которой он висел, снова натянулась: второй помощник не успевал вытравливать её и дёргал его за связанные руки. Было похоже, что эти двое решили разорвать его напополам.

Колдун вздохнул и от души вытянул тростью второго вдоль спины. Тот даже не дрогнул, дёрнул верёвку ещё раз,

что-то хрустнуло, руки Питера выскользнули из узлов, и его потащило ногами вперёд к саркофагу. Не обращая внимания на боль, учёный быстро согнулся и стал тянуть узлы на ногах; работала только одна рука, но ему удалось ослабить путы; он пребольно треснулся о саркофаг, затем на секунду повис, извиваясь вниз головой, и тут же шлёпнулся сначала на саркофаг, затем вниз – верёвки слетели с крюка, и тот повис пустой. Питеру понадобилось несколько попыток, чтобы встать; он опёрся на деревянную балку и огляделся, его ноги оставались связанными. Он увидел свою сумку, распотрошённую, вытряхнутую; ножны с саблей лежали рядом, среди барахла. Жан Легри проследил за его взглядом и, не думая ни секунды, рванул туда. Но молодость победила: Питер одним прыжком содрал верёвку с ног и оказался у цели, схватил клинок, искал глазами свинчатку, но увидел лишь мастерок; что ж, сойдёт и мастерок. Староста остановился, будто в стену воткнулся.

Питер сказал спокойно, словно бы утешая:

– Бывает, господин Легри.

Трудно придумать что-то более оскорбительное для человека в возрасте, чем снисходительный тон. Староста оскалится и заорал на своих подручных, те изменили курс и начали зажимать наглеца с двух сторон в клещи. Питер перехватил клинок с мастерком получше и пошёл полукругом вдоль стены, закрываясь одним противником от другого. Первый, здоровый, явно прихрамывал, а второй был потрёпаннее на

вид, зато двигался быстрее. Картина боя, если это можно назвать боем, появилась в голове сразу же и ясно, как учили в школе: закрыться, выпад, разворот в продолжение движения, второй выпад – и всё, останется лишь старик...

Двое тупиц сошлись в линию, и Питер сделал мгновенный выпад в среднюю плоскость хромому, целя ниже рёбер. Клинок с плотным звуком вошёл во что-то мягкое, Питер с легким полупрыжком развернулся, выдернул клинок и с широкого маха ударил второго уже сверху. Попал по рукам, которые тот успел подставить.

И вот тут всё пошло не так.

Хромой подручный Легри, которого он уже вроде как заколол, вовсе не упал, корчась от боли и держась за живот, как можно было предположить, а словно бы и не заметил ни удара, ни ужасающей раны под грудью, из которой медленно, словно нехотя, показалась кровь. Он просто схватил Питера сбоку и сзади, прижав его руки к туловищу – схватил так, что кости затрещали, а воздух с каким-то неприличным свистом разом вышел из лёгких.

– Они, может быть, и не быстрые, мои субурды, – елейным голосом произнёс Жан Легри, неторопливо приближаясь, – но у них есть свои... достоинства.

Питер разевал рот: он не мог вдохнуть. Мотнул было головой вбок, пытаясь ударить злодея, но волосы лишь прошуршали по лбу подручного – тот схватил его очень удобно: даже пнуть толком не получалось. Второй субурд безо всяких

эмоций снова спустил и подтянул к себе крюк. Полуотрубленная кисть его, судя по всему, тоже нимало не беспокоила.

У Питера потемнело в глазах. Жан Легри кивнул второму. Молодой ученый смутно увидел, как тот приближается, вытягивая крюк на себя. Блок скрипел и жужжал, вращаясь.

– Мы подвесим вас за позвоночник или за ребро, как повезёт, – светски сообщил Жан Легри, староста Малого Лаконна и председатель окружного суда. – Сделаем пару надрезов в определённых местах. Кровь вытечет сама. Вся. А вы просто уснёте. Знаете, многие могли бы вам позавидовать, это...

Питер отчаянно лягнул воздух. Больше от ярости, чем рассчитывая на что-то.

– Охо-хо, – сказал староста. – Не надо так цепляться за эту жизнь. Поверьте мне, она того не стоит. Вас ждёт другая, более осмысленная. Как у них.

Всё. Быстрый субурд, с крюком, завёл руку, с тем, чтобы с широкого маха всадить его Питеру в спину, а там как повезёт – либо за ребро, либо за хребет...

Время словно остановилось, затем пошло медленно, неспешно. Носком он дотянулся до выступа в стене, и откинулся назад. Как бы крепко ни держал его хромой, но плечо его пошло вниз и попало точно под крюк вместо спины Питера. Хватка сразу ослабла, и Питеру удалось выскользнуть.

– Тупицы, – усталым голосом произнёс Жан Легри.

И тут раздался короткий скрежещущий звук, а затем негромкий, но очень напряжённый голос произнёс:

– А что здесь, собственно, происходит?

8

Чувство великого облегчения нахлынуло на Питера. Трое эвакуаторов – лейтенант Мюко, Аслан и Люц – вошли в комнату с саркофагом. У Аслана и Люца в руках были сабли, а Геркулес Мюко, идущий чуть позади них, целился в старосту Легри из мушкета.

Староста, однако, нимало не растерялся.

– Слава небесам, вы пришли, – закричал он слезливо. – Он хотел убить меня и моих добрых крестьян, он колдун!

И указал на Питера; молодой учёный, стоявший на саркофаге, куда он успел снова запрыгнуть, с окровавленным клинком в одной руке и мастерком в другой, с разбитым и перекосенным лицом, представлял собой зрелище весьма живописное.

– Берегись! – заорал он Люцу, который слишком на него засмотрелся.

Но опоздал: староста обрушил свою трость на саблю молодого эвакуатора, сбив её вниз, и страшным точным движением ударил его в горло ладонью. Люц захрипел, забулькал, взмахнул руками и повалился на Аслана, бахнул выстрел, на полу взлетел косой столб земли и пыли. Лейтенант Мюко, падая, выпустил из рук мушкет и схватил колдуна, который почти проскользнул мимо них к выходу, за одежду. Легри с яростью обернулся и уставился эвакуатору прямо в глаза. Через половину очень долгой секунды лицо лейтенанта за-

стыло, руки ослабли, но колдун сам взял его за шиворот и с нечеловеческой легкостью утянул его за собой во тьму прохода.

Второй субурд схватил Питера за ноги и потащил с саркофага. Он наугад несколько раз ткнул клинком вниз, хватка ослабла. Первый субурд, хромой, похоже, пытался обнять Аслана, тот отбивался, рубя со всего маху по голове, плечам и рукам.

– Да что же – это – такое-то! – орал эвакуатор яростно. Хромой лишь мычал, отмахиваясь полуразваленными уже руками и упорно пытаюсь схватить его. Весь вид Аслана выражал искреннее изумление. Второй субурд, бросив Питера, стал приближаться к мусульманину сбоку. Рядом в последних конвульсиях дёргался Люц, из его рта шла густая ярко-красная жидкость.

– Это служба королевской эвакуации, – яростно закричал южанин. – Именем короля приказываю вам остановиться и лечь на землю!

С этими словами он в два широких движения с шагом рубил им шеи; одна голова повисла на коже, другая всё-таки отвалилась, стукнула глухо. Безглавые туловища постояли секунду и обрушились на землю. Аслан постоял, выдохнул, потряс кистью.

– Кто это, Питер? Где кровь?

– Субурды, – Питер дал петуха, прокашлялся. – Те, кто пропал. Теперь они такие.

– Мертвяки, – произнёс эвакуатор с отвращением. И решительно произнёс: – Надо его догнать.

– Спасибо, – сказал учёный невпопад, но Аслан его понял, кивнул и хлопнул по плечу.

– За мной, – и устремился в проход.

Геркулеса они увидели уже через пару десятков шагов.

Огромный субурд, словно покрытый шевелящейся слизью, держал лейтенанта как ребенка, крепко обняв перед собой на груди одной рукой; вторая рука сложным, но недвусмысленным способом была заведена Геркулесу за подбородок.

– Аслан, – сдавленным голосом произнёс Геркулес и замолк, лишь глаза его сверкали в полутьме. Он был жив.

– Он свернёт ему шею быстрее, чем вы шаг шагнуть успеете.

Жан Легри словно сконденсировался рядом из внезапно ставшего влажным воздуха. За его спиной угадывались неясные фигуры, перетаптывающиеся на месте. Дохнуло вонищей и лютым холодом.

– Фууу, – небрежно сморщил нос Аслан. – Это что, запах истинного знания? Пожалуй, лучше дураком остаться.

Зачем он дразнит?

– Если вы не бросите оружие, – сказал господин Легри скрипучим от ярости голосом, – я прикажу свернуть ему шею.

– Если ты свернёшь ему шею, – в тон ему ответил Аслан, –

мы вырежем всех твоих су-бурдов, а потом я тебя повешу прямо на часовне.

– Лу, клу, клук, – забулькал смешком староста. – Хоу, пизьюф’с, чжои.

Питер не поверил своим ушам: Легри говорил на мёртвом языке. Аслан же будто не услышал ничего и гнул своё:

– А за что именно я тебя подвешу – это пока что секрет. Крохотный и сморщенный.

– Убить их! – завопил Легри, брызжа слюной. Субурд, державший Геркулеса, отбросил его в сторону и двинулся на них, а за ним колыхнулись и двинулись остальные. Питер сообразил, что мусульманин своего добился – Геркулес пока что был жив; но мысль мелькнула и исчезла, да сколько же их, думал он, отмахиваясь клинком и отступая вместе с Асланом обратно в комнату с саркофагом. Выпад, уход, наклон, удар. Удар, наклон, выпад, отходим.

Питер не заметил, в какой момент и как сломал саблю.

Когда до круглой комнаты оставалась пара шагов, они, не стовариваясь, оторвались от субурдов, забежали внутрь. Как только первый субурд появился в проходе, Питер надрезал уроду сухожилия на ногах, тот плюхнулся на колени; Аслан чётко снёс ему голову, перекинул саблю в левую руку, оскаллился, снова потряс правой кистью.

– Порядок бьёт класс, – сказал он. Питер кивнул ему ободряюще.

Так они уложили ещё одного мертвяка, потом пришлось

отступить. Некоторое время их спасала тупость субурдов – они не догадывались, что надо заходить с разных сторон, а лезли к Питеру и Аслану прямо через головы своих, толкаясь и мешая друг другу, но скоро Питер услышал скрипучий голос старосты, в действиях субурдов появилась мысль, и им пришлось запрыгнуть на черный каменный монолит. Опять не говоря друг другу ни слова, они разом схватили и опрокинули в сторону балку с крюком и упорами, затем эвакуатор быстро и безжалостно укоротил руки самым ближним мертвякам, и те стали барьером между друзьями и теми из тварей, что ещё были с руками.

Треснул выстрел; друзья пригнулись инстинктивно, а со стены за их спинами с легким шорохом осыпалась каменная крошка. Во входе стоял Жан Легри и брезгливо разглядывал длинный пистолет, дымящийся у него в руках.

Аслан и Питер переглянулись. Эвакуатор глазами показал на обломок сабли в руках Питера. Последовала короткая схватка страшных физиономий, которые они секунду корчили друг другу и которую Аслан выиграл.

– Ладно, – пробурчал Питер, подкинув в руке остаток оружия и изготавливаясь. – Но если что – пеняй на себя.

Обломок, конечно, для броска был предназначен ещё менее, чем для фехтования, но особого выбора не было: следующий выстрел старосты, скорее всего, будет гораздо более удачным, а от лезвия в локоть длиной сейчас толку никакого.

Жан Легри спрятал пистолет и аккуратно достал второй,

вытянул его перед собой и как-то совсем по-бабьи прицелился в Аслана, скривив лицо и закрыв один глаз. Питер вдохнул, размахнулся и плавно метнул клинок, не отрывая взгляда от жилистой шеи старосты. Выстрелить староста всё же успел и снова промахнулся, – всё потому, что самонадеянно целил в голову эвакуатору; клинок же с лёгким шелестом сделал в воздухе полный оборот и вошёл Жану Легри наискосок прямо в горло, под кадык.

Питер удивлённо посмотрел на свою руку.

– Повезло, – сказал он растерянно.

Аслан смотрел на старосту.

Легри не захлебнулся кровью, не упал. Он ухватился за рукоятку клинка, торчащего у него в горле, и со страшным булькающим стоном потащил его наружу. Ни капли красного не было ни на лезвии, ни на шее проклятого колдуна.

– Д-дьявол, – сказал Аслан негромко, но с чувством, и непонятно было, выругался он или опознал противника. Староста вытащил клинок целиком и мигнул – не глазами, всем телом.

Питер сказал злобно:

– Башку ему надо снести.

– Всего-то, – согласился Аслан.

Они плечом к плечу стояли на черном каменном гробу. Комната была заполнена субурдами, они молча тянули к ним руки со всех сторон, но мешали друг другу и поэтому не достигались. Если бы у них у всех не было рук, и если бы они

стояли чуть поплотнее, подумалось Питеру вдруг, то можно было бы пройтись прямо по их головам и добраться до старосты, который стоял у входа.

И будто прочитав его мысли, староста начал отдавать команды на квакающем языке. Среди субурдов началось множественное движение. Ближайшие к монолиту субурды тяжело становились на колени, те, что стояли за ними, вообще ложились ничком. Всё. Самые дальние субурды полезли по телам ближних к Питеру и Аслану, словно по пандусу. Некоторые падали, угодив ногой в пустое пространство между туловищами. Друзья переглянулись.

– Ты их отвлеки, я его возьму, – сказал Питер. Аслан кивнул и осторожно ступил на голову ближайшего субурда; тот даже не шелохнулся. Питер спрятался за спину эвакуатора так, чтобы видеть и колдуна, и лезущих навстречу врагов. Плана никакого не было – лишь звенящее ощущение правильности того, что он делает; каждый шаг словно кто-то подсказывал, каждое действие было будто отрепетировано, причем не только Питером, а и всеми участниками этой краткой, кровавой мизансцены.

Аслан завертелся волчком, и уже слетели головы у первых двух субурдов. Воспользовавшись трупами как преградой, южанин повел всю толпу монстров за собой, при этом шагал он прямо по субурдам – тем, которым было приказано служить лестницей для других.

Питер ждал.

Вдох.

Выдох.

Вдох, глубокий. Питер не глядел, куда прыгает, положившись на вдохновение и рефлексy.

В пять широких прыжков по головам и плечам застывших субурдов он доскакал до Легри, но первой целью его был не он сам, а обломок сабли, валяющийся рядом.

Увы, староста хоть был и немолод, но не слеп и далеко не немощен. Он не считал Питера достойным соперником, поскольку поднял клинок сам и даже принял какое-то подобие ангарда, сделав шаг назад правой ногой. Единственным оружием Питера оказался мастерок, и он пошёл прямо на Жана Легри, ускоряясь, его руки были расставлены, будто он хочет обхватить противника за талию, правая, пустая, отведена чуть вниз, а в левой был мастерок, которым он угрожал старосте. Получилось: в самый последний момент тот всё же купился и замахнулся клинком.

Питер мгновенно перекинул мастерок из руки в руку, резко ударил снизу справа и сразу отскочил. По идее, полагалось перебросить оружие обратно в левую руку, с целью ввести противника в заблуждение, но Питер не успел: клинок наотмашь располосовал ему одежду и кожу на груди. Даже не взглянув на рану, Питер сделал шаг вслед за движением лезвия, и оказался со старостой почти лицом к лицу, коленом прижал его руку к стене и только собрался как следует врезать кулаком в челюсть, чтобы вырубить, как из темно-

ты вышел незамеченный доселе субурд и намертво обхватил Питера сзади.

Староста тяжело и громко выдохнул, прижимая ладонь к левому боку.

– Томилис, – непонятно сказал он. – Брось железку.

И приказал субурду что-то на шипящем языке.

Тот страшно и сильно сдавил Питера. Ученый засипел, захрипел, глаза у него полезли на лоб.

Теперь точно всё...

Одна лишь мысль беспокоила его – и скорее даже не мысль, а цвет. Темно-красный цвет, в который медленно, но верно окрашивалась одежда Жана Легри в районе нижнего левого ребра.

Его можно ранить – значит, можно и убить.

Томилис. Железка. Староста, вытаскивающий клинок из горла. Мастерок.

Мысли скакали бешено, тело хотело жить.

Питер извернулся и нанёс несколько ударов мастерком в живот субурду. Тот дёрнулся так, будто в нём что-то лопнуло; его хватка ослабла. Ещё несколько ударов туда же – и руки субурда, и голова его повисли безжизненно, он замер, покачиваясь.

– Режь им живот, – крикнул он Аслану.

– Спасибо! – сердечно откликнулся эвакуатор, прыгая по стенам.

Питер рванулся к Жану Легри. У старика не было ни еди-

ного шанса. На первый финт он не отреагировал, но потом Питер показал ему беззащитную шею – и староста рубанул, резко и сильно.

Но клинок разрезал подлую пустоту, и тут же на противоходе левый локоть Питера врезался Жану Легри под подбородок – далёким криком отозвались ребра, их час ещё придёт – а мастерок раз за разом погружался в туловище старосты слева и снизу, будто и не инструмент это был, а кинжал, хороший, славный кинжал ночных дел мастера, свободного поединщика и преподавателя боевых искусств... Exit Жан Антуан Филипп Легри, прожектиль второй ступени правого крыла братства Урании. Староста осел мешком, длинно выдохнул, обломок клинка звякнул об пол. Чёрно-красный ручеёк неспешно побежал от него, словно ища место пониже и поглубже. Питер секунду поглядел на него, затем подобрал саблю Люца и устремился на помощь Аслану.

У эвакуатора дела были не очень, и Питер подоспел вовремя. Отчаянно маневрируя, им удалось объединиться, а затем вырваться из комнаты. Субурды тяжело топали за ними, их оставалось ещё много, с дюжину. Аслан бежал медленно, да и Питер не сказать чтобы чувствовал себя бодро; главное, не забежать в какой-нибудь тупик, думал он, главное чтоб Аслан не перепутал дорогу, а там уже солнце, воздух и живые люди, а не ходячие мертвецы с их смертельными объятиями.

Они выскочили в темное высокое помещение, и Питер с удивлением признал в нём часовню, возле которой он так

беззаботно сегодня трапезничал.

– Стой, – сказал Аслан, внимательно прислушиваясь. – Не понял.

Питер сообразил – шагов не было слышно. Они подождали ещё немного, заглянули в лаз, затем осторожно вошли и увидели, как субурды лежат в разнообразных позах так, будто их одновременно всех сразу настиг глубокий обморок – огромной беспорядочной кучей они завалили пещеру почти до пояса.

Питера осенило.

– Легри, – сказал он. Аслан понял сразу.

– Староста умер, и эти... И эти тоже?

– Именно, – сказал Питер. – Очень занятно, очень.

И чуть не заорал от боли.

– А, ч-чёрт... Ничего себе, сходил в отпуск, – стараясь не вдыхать глубоко, произнёс он. Ярость битвы прошла, и раны будто появились заново, причём все и одновременно. Они выбрались обратно в часовню, толкнули массивную дверь. Дохнуло свежестью – кажется, прошёл дождь. Питер сощурился, прикрылся ладонью, шагнул за порог. Когда глаза привыкли к свету, он обнаружил, что во дворе часовни скопились, наверное, почти все жители деревни Малый Лакон. Скопились и молча смотрят на них с Асланом, как они выходят, трясут руками, потягиваются и дышат, с наслаждением дышат свежим воздухом.

Впереди всех стоял Клод. Питер бережно держался за ле-

вый бок и долго, очень долго на него смотрел. В конце концов тот не выдержал и, хмыкнув, отвел глаза. Питер сказал:

– Жан Легри мёртв. Я его убил.

– А мертвяки?

– Тоже.

– Смелые вы ребята, – помолчав, сказал бородач. – И vezучие. Не то что мы.

9

Питер и Аслан задержались в Малом Лаконе ещё на три дня. Полицейские из префектуры ожидали лишь на неделе, о прокурорах не было ни слуху ни духу, поэтому Аслан устал как собака, самостоятельно снимая показания и переписывая свой отчёт. Питер тоже утомился, потому что участвовал в процедуре опознания, перетаскивания и захоронения трупов субурдов («трупы трупов», ворчал он); апофеозом стали крайне неприятные пара часов, в течение которых они с Клодом глубокомысленно приставляли отрубленные головы к туловищам и решали, кому какая больше подходит. Самая подлость ситуации оказалась в том, что ни одного субурда жители деревни не признали, все были чужаками.

– Ещё бы, – сказал Аслан мрачно. – Если б он со своими так, его бы быстро...

Лишь на третий день Питер всё-таки сделал попытку предаться чисто научной деятельности. «Пещера имеет Y-образную форму. Одна ветка, новая, ведёт в часовню, другая,

старая – к дому старосты, ныне его вдовы, Томилис Легри. Старая ветка завалена. Саркофаг находится в основании Y, в большой комнате. Длина каждого ответвления...»

Составляя подробный отчет, Питер сознательно выкинул целый день, когда они вытаскивали саркофаг на свет божий. Это неожиданно оказалось большой проблемой, и в конце концов саркофаг практически в одиночку вытащил мужик, имя которого Питер забыл спросить от стыда, со шрамом через лицо; он управился с чёрным монолитом с помощью брёвен, досок и верёвок, молча и с ужасающей вежливостью поспрашив и службу королевской эвакуации, и Академию наук. Это Питер в отчёте тоже указывать не стал, хотя пару приёмов запомнил, а конструкцию «ухват с рычагом» даже зарисовал, по памяти.

Люца похоронили как героя, на восточной стороне кладбища, на живописном склоне холма. Надгробие сделали пока деревянным, но Клод клятвенно заверил, что уже на следующий год всей деревней они расшибуются, но сделают монумент из лучшего гранита, а то и мрамора, если дела пойдут хорошо.

– Какие такие дела? – с подозрением спрашивал Аслан.

– Ну вы же дадите нам разрешение на трактир? – нагло спросил Клод.

Мусульманин только головой покрутил, но этим дело не кончилось: на следующий день Клод безо всяких церемоний пришёл к Питеру записать текст «легенды»; её предполагали

лось выбить на стене будущего заведения. Дело, оказывается, было так: страшный колдун Жан Легри захватил деревню и окрестные земли («баб жрал, людей травил, мертвяков поднимал, ну как обычно»). Сначала жители воззвали к окружной полиции, но та оказалась бессильна. Затем пришёл храбрый учёный Пьер (здесь Питеру стало немножко нехорошо), который, несмотря на свою храбрость и ум, был заточён злым колдуном в подземелье. Третьим пришёл тоже очень храбрый молодой эвакуатор Люц. Он сумел убить злого колдуна и освободить учёного, но злые чары даже после смерти колдуна настигли героя. С тех пор этот день отмечается в деревне как праздник, а могила Люца всегда украшена цветами и зеленью.

Питер ошалело выслушал историю, затем, придя в себя, предложил изменить имя Пьер на Аслан.

Клод наморщил лоб.

– Думаете...?

– Даже не так, пусть это будет прекрасная девушка, – уверенно сказал Питер, сохраняя максимально серьёзное выражение лица. – Асланна. Принцесса с юга. Так будет лучше.

– Прямо не знаю, чем вас благодарить, – сказал Клод. – Куриц вот можем...

– Я знаю чем, – ответил Питер, макая перо в походную чернильницу и выводя первые строчки легенды о прекрасной принцессе. – Тут у нас пропал один, не подскажите, где он может прятаться?

Геркулеса они ведь так и не нашли: ни живого, ни мёртвого. Сожрали, приговаривал Аслан, как пить дать, сожрали; особой любви к своему бывшему командиру он явно не питал, что Питера почему-то довольно сильно коробило. Для самого учёного всё было ещё сложнее: именно Мюко приказал вернуться из Каркассона в Лакон и тем самым спас Питера.

– А почему он приказал вернуться? – спросил Питер.

– Я рассказал ему, что ты нашёл тайник древних, – ответил мусульманин.

– Зачем? – вырвалось у Питера, и тут же он спохватился. – Э-э...

Аслан посмотрел на него как на идиота.

– Мюко жадная сволочь, и я знал, что он вернётся. А этот староста мне сразу не понравился.

10

Когда они подошли к дому Легри, вокруг никого не было, и даже дети, которые визгливой стайкой преследовали их все эти дни, подевались куда-то.

– Ну смотри, – в последний раз сказал Аслан и постучал в дверь.

Дверь открылась сразу, чему Питер не удивился совсем. Старуха Легри была одета и собрана.

– Чего надо? – спросила она вздорным голосом.

– Мадам Легри... – начал было Питер.

– Мадемуазель, – сказала старуха резко.

– Мадемуазель, – поправился Питер. – У нас к вам одно дело.

– И один вопрос, – добавил Аслан.

– Так, – сказала старуха.

– Вы знаете, как открывается саркофаг? – прямо спросил Питер.

Вдова Легри смотрела на него несколько секунд.

– Может, и знаю, – ответила она наконец. – И что?

– Не откажите нам помочь в этом, – как мог галантно произнёс учёный.

– Поглядим, – ответила та. – А дело какое?

– У меня есть ордер на обыск вашего дома, – сказал Аслан казённым тоном.

– Это с чего это вдруг? – спокойно спросила старуха.

– Есть основания полагать, что у вас скрывается Геркулес Мюко, дезертировавший из службы королевской эвакуации, что повлекло...

– Ничего оно не повлекло, – отрезала старуха. – Нету здесь вашего... Геркулеса.

Аслан молча показал ей ордер.

– Вы поймите, мадемуазель Легри, – сказал Питер. – Обыск всё равно состоится. Не сегодня, так потом. Верно ведь, лейтенант?

Аслан кивнул, не отводя взгляда с лица старухи. Мадемуазель Легри всё поняла.

– Саркофаг я открыть не смогу, – резко сказала она. – Но

увидеть, кто там, вы увидите.

– Отлично, – быстро, чтобы Аслан не успел ничего сказать, произнёс Питер. – Мы согласны.

Аслан задумчиво посмотрел на своего друга, но ничего не сказал, а просто спрятал бумагу с ордером в карман. Старуха вышла и заперла за собой дверь; окинула взглядом свой дом. Окна были плотно занавешены.

– Ведите к вашему... гробу хрустальному.

Через минуту подошли к площади. Саркофаг стоял рядом с мобилем эвакуаторов, готовый к погрузке. Вокруг собралась вся деревня, включая и нового старосту.

– Сдал, трепло, – сказала старуха Легри Клоду, проходя мимо. Тот отвернулся, не произнеся ни слова.

Подошла к саркофагу.

– Видишь? – старуха указала на углубления в форме ладони. Питер кивнул. Площадь притихла. – Жан-то мой думал, что надо кровь туда. Двинутый он был, как и папаша его. Это ж надо, сыну кошку завещать.

– А что туда надо? – неожиданно ревниво спросил Клод издалека.

– Древние, они же не дураки были, – сказала старуха. – Саркофаг, он для того, чтоб кто там лежит, сохранился в целости и сохранности. Вот и весь смысл.

– И что? Дальше-то что? – спросил Аслан после молчания.

– Э, да вы мозгами не дальше моего муженька ушли. Саркофаг – умный. Он не откроется, если, – старуха начала заги-

бать пальцы, – будет сильно жарко, или там огонь, или сильно холодно, мороз зимой. Или если воздух будет ядовитый, как на болоте каком, он тоже не откроется.

– А! – сказал Питер.

– Что, сообразил, умник? – насмешливо спросила мадемуазель Легри.

– ...и если рядом будет враг, – произнёс Питер, – он тоже не откроется.

– Вот, – произнесла старуха. – Хоть кто-то догадался. И особенно он не откроется, если рядом будет околачиваться полный дурачок вроде моего муженька, гори он в аду.

– Давайте, – сказал Питер и закатал правый рукав, хотя это было лишним. – Я, Аслан и вы. Верно?

Старуха огляделась.

– Только вот этого, – указала на Клода мстительно, – надо убрать подальше.

Клод взвыл от обиды и разочарования.

– Ах ты мерзкая старуха!

– Катись, трепло, катись, – хихикала вдова Легри, наблюдая, как селяне со смехом выпроваживают своего нового старосту.

– Так. Ты, чернявый, клади руку сюда.

Аслан положил руку в углубление слева.

– Ты, умник, сюда.

Питер встал напротив Аслана, саркофаг оказался между ними, и положил ладонь в другой углубленный знак, напро-

тив.

– Ну а я вот сюда, – старуха прошла в голову саркофага и, привстав на цыпочки, положила ладонь в знак на торце.

– А теперь представляй, что он прозрачный.

– Что? – растерялся Питер.

– Представляй, что не камень это, а стекло, или хрусталь какой, не знаю, – объяснила старуха. – Шибче представляй, и ты, чернявый, тоже.

Аслан хотел что-то сказать, но закашлялся.

И тут Питер едва не закричал.

Гроб, саркофаг, монолит становился прозрачным! Он будто таял, одновременно сохраняя твёрдость и форму. Стало слышно, как чирикают птицы, жужжат насекомые, как ветер гладит траву – и как тихо, едва-едва, дышат люди на площади, глядя во все глаза, стараясь запомнить, запечатлеть.

Женщина, нет, девушка, – и девушка красоты удивительной. Правильные черты, длинные черные ресницы, светлые короткие волосы (в толпе слегка зашумукались), одежда из мягкой бежевой ткани. Она даже не лежала, а словно парила – саркофаг стал прозрачным весь.

Никто не помнил, сколько это длилось. Лишь когда монолит снова стал возвращать себе обычный вид, людей словно отпустило, они зашумели, заговорили. Старуха же долго-долго смотрела на лицо девушки, пока оно не скрылось за чёрным камнем.

– Красивая, зараза, – тихо произнесла она наконец.

Затем гордо вскинула голову и оглядела всех по очереди. Никто не произносил ни слова. Старуха неожиданно усмехнулась:

– Ну да и я по молодости не хуже была.

И вдруг на какую-то секунду за морщинами, за иссохшейся кожей, источенным лицом и скрюченными пальцами стали видны прямая спина, чёткий профиль, сильные красивые руки и живой, совершенно не старушечий взгляд.

Меньше секунды длилось наваждение.

– Ладно, попрощалась с ней, да и хватит, – сказала старуха Легри. – Вынимай свои грабли, парень, чего застыл.

11

– В общем, это одни и те же люди, братство Урании, – говорил Питер Аслану. Монолит уже погрузили в эвакуаторский мобиль, и они забрасывали туда оставшуюся мелочь. – В данном случае некий странник, имени которого она не помнит. Он дал Жану Легри неуязвимость и субурдов, и он же дал его жене мастеров, которым его можно было убить.

– Глупость какая-то, – сказал Аслан, умащивая тюк под сиденьем. – И имя она наверняка помнит. Надо было его вытрясти...

– Нет, не глупость, – ответил Питер. – Совсем не глупость.

– Глупость-глупость. Легри ведь мог спрятать мастеров, замуровать, в землю закопать.

– Чтоб какой-нибудь придурок случайно его нашёл?

– Откуда придурку знать, что это за штуковина и для чего?

– От братства, – ответил Питер. У него был вдохновенный вид. – Или от жены. Пойми, это универсальный принцип равновесия. Даёшь силу – дай и слабость.

– Слишком сложно, – сказал эвакуатор равнодушно. – Не для провинции Лангедок и вообще не для нашей жизни. Он ведь мог убить жену и забрать мастерок.

Питер посмотрел на друга и, подняв палец, произнёс значительно:

– Но он этого не сделал.

Аслан отчётливо застонал и закинул последний узел в кабину мобиля.

– Братство Урании. Интересно, – сказал Питер. – У вас есть на них что-нибудь?

– Этого добра сейчас как грязи, – с неожиданным раздражением ответил эвакуатор. – Может, и есть. Братства, общества, службы, секты, конгрегации, гильдии...

Он покосился на Питера.

– ...академии.

– Ну, эти, видимо, серьёзные ребята, в отличие от, – сказал Питер, пропустив мимо ушей выпад товарища и запрыгивая в кабину. – Насколько я понимаю, остальные мертвых поднимать не умеют.

– Это не самая большая пакость, – сказал Аслан, бросив ему на колени потрёпанную жёлтую тетрадь. – Он пришлых и путников травил чем-то таким, что никто сбежать не мог дальше пяти лье, чтоб работали на него. А если кто сбегал,

то подышал и превращался в субурда. Чем травил, где изготавливал, как это действует... Ничего не ясно.

– Прямо как у нас в Академии, – сказал Питер мрачно, разглядывая тетрадь. – Это что?

– Привет от Жана Легри, – сказал Аслан и тоже полез в кабину, на водительское место. Питер, прищурившись, посмотрел на него.

– Ты опять шантажировал обыском бедную старую женщину?

– Нечем мне больше шантажировать, – сказал Аслан, устраиваясь на сиденье. – Официально обыск состоялся. Ты, кстати, тоже там был. Если что.

Питер поднял брови.

– И? Геркулес?

– Да на кой чёрт он мне сдался, – сказал Аслан. – Тем более дезертир. Тем более раненый. Тащить его с собой...

– Ты его ранил?

– Нет, – с нажимом произнёс эвакуатор. – Люца убили, а ему всего лишь вывихнули руку. И, кажется, сильно разбили лицо.

Подумал и добавил:

– Возможно, выбили пару зубов и свернули нос. Да.

– А, – сказал Питер и открыл тетрадь.

– И палец, кажется, тоже вывихнули, – закончил эвакуатор, разглядывая свою ладонь. – Два или три.

– «Двенадцать курей отдал в уплату долга... соседу Лю...

шу», – разобрал Питер первую строчку на первой странице.

– Да, дружище, – сказал Аслан. – «Курей»... Это научит нас управлять мертвецами, нет сомнений.

Питер невозмутимо сложил тетрадь в сумку.

– Кстати, – сказал Аслан, щелкая ручками на панели. – Колдовство, мертвяки, это понятно. Это, прямо скажем, не ново.

– То есть как это не ново, – возмутился Питер. – Кровообращения нет, в связи с отсутствием крови. Дыхания, видимо, тоже нет. Мышцы тем не менее работают, даже будучи разрезанными. Это, по-твоему, не ново? Что происходит в мире, если такое – не ново?

– Сочувствую твоему гневу, – ответил эвакуатор. – Кстати, займись этим. Как учёный. А я, как эвакуатор, буду о другом думать, – например, о том, что среди субурдов, что мы опознавали, не было ни одного женского трупа.

Питер наморщил лоб, вспоминая.

– Точно. Не было.

Аслан кивнул.

– Но женщины ведь тоже пропадали, – сказал Питер. – Ты об этом?

Его друг уместился в кресле получше, взглянул на него.

– Делаешь успехи, Пит. Да. Я именно об этом.

**Глава вторая, где Жак Делакура совершает три чуда**

– Кто же это был, бабушка? – спросила Майя. Переодетые

в чистое, они вышли к ограде проводить своих спасителей, но королевские эвакуаторы вместе с егерем и старостой были уже далеко. Труп чудовища, накрытый диковинной черной тканью, мокро блестевшей на солнце, двумя гигантскими горбами возвышался над подводами; чудная повозка была запряжена в них на манер лошади.

– Кто это был, ба? – нетерпеливо повторила Майя. И, замирая от ужаса, прошептала:

– Волк? Огромный говорящий волк?

Бабушка странно посмотрела на неё и ответила:

– Да, внученька. Волк. Огромный говорящий волк.

– А разве такие бывают?

– Как видишь, бывают.

Майя замолчала, видимо пытаясь уместить этот факт в своём десятилетнем мировоззрении.

А старуха подумала: она не помнит, и это хорошо.

– Повозка какая занятная... – как бы про себя пробормотала бабушка.

– Красивая! – сказала Майя. – Похожа на стрекозу или на рыбку, ба! Только большая!

Она уже забыла о чудовище.

– Да, наверное, спасли, – невпопад ответила старуха. – Пойдем-ка, внученька. Надо торопиться.

1

«6 мухаррама (17 июля).

До Тулузы мы добрались за целых два дня, и если бы не

нежданная операция по эвакуации и последовавшие за ней мелочные придирки местных властей, мы двинулись бы на Лютецию сразу, но провидение решило по-другому. Хотя на общем времени в пути это вряд ли сильно скажется.

Главной причиной столь нехарактерной для нас, эвакуаторов, скорости передвижения служит, разумеется, саркофаг с прекрасной девой внутри. Будучи погружён в грузовой отсек моего мобиля, он вызвал необъяснимую и досадную потерю маневренности и скорости у оногo. Невероятное объяснение здесь представляется единственно верным: мобиль и саркофаг, изготовленные одними и теми же людьми, нашими великими предками, каким-то образом узнали друг друга и выбрали наиболее благоприятный режим транспортировки. Конечно, Питер не обошёлся без своих безумных идей, например, он предлагал вскрыть опечатанную внутреннюю панель и с её помощью задать мобилю некие «параметры груза», после чего мобиль предположительно сможет двигаться с прежней скоростью. К сожалению, не в моей компетенции вскрывать опечатанные нашей Службой узлы и детали мобиля, поэтому что есть, то есть – тащимся по дороге к столице со скоростью обычной телеги».

Аслан перечитал последнюю строчку, подул на бумагу, сметая частички графита, закрыл планшет. Карандаш он тщательно обернул в небольшую тряпицу и спрятал в карман.

– Пишешь? – раздался прямо над ухом голос Питера.

Аслан подпрыгнул от неожиданности и едва удержался от того, чтобы стукнуть своего друга за такие шутки.

– Пишу, – сухо ответил эвакуатор. За прозрачным стеклом кабины неспешно проплывал летний пейзаж провинции Тулузы: поникшие от жары кусты у дороги, луга с извилистыми речками, некоторые из которых наверняка пересохли, далёкие неровные квадраты виноградников, исчерченные оросительными канавами. Лето было в самом разгаре, их путешествие только начиналось.

Питер не стал продолжать разговор и снова уткнулся в панель управления автомобилем. Причудливо изогнутую ручку управления («штурвал») с трёх сторон обступали загадочные полупрозрачные окошки, мигающие огоньки, торчащие из панели ряды ручек («переключателей»). В кресле перед штурвалом никого не было, мобиль шёл на самостоятельном управлении («автопилоте»). Посидев с минуту тихонько, Питер достал лист бумаги с тщательно перерисованной панелью и начал делать какие-то пометки, не обращая внимания ни на Аслана, ни на виды снаружи.

Аслан понял, что не хочет спать, хотя как раз закончилась его вахта. В дежурствах особого смысла не было, но порядок должен быть, и поэтому они исправно сменяли друг друга каждые пять часов уже четвертый день. Исполняющий обязанности командира мобильного отряда, состоявшего из него одного, провёл рукой по стеклу сверху вниз, окно открылось, он выглянул и посмотрел назад. Две подводы, од-

на за другой прикрепленные к мобилю, были накрыты мешками и чёрной материей («полиэтилен»); они везли второй ценный груз в Лютецию.

Чудовище.

2

«7 мухаррама (18 июля).

Касательно проведённой операции по эвакуации и утилизации мутагенных форм жизни. (До чего же красив официальный язык!). По завершению трагических мероприятий по делу Жана Легри, Мюко и Люца мы направились в городок Каркассон, с тем чтобы пополнить запасы провизии и воды, так как путешествие наше очевидным образом затягивалось. И что вы думаете: не успели мы достичь места назначения, как возле деревушки под названием Лилль (похоже, каждая вторая деревня в Альянде носит это имя) нас остановил местный егерь. Он сообщил, что в лесу заметили некое гигантское существо, и, видимо, оно относится к нашей юрисдикции. После знакомства с обстоятельствами я признал его правоту, и надо было видеть, какое облегчение испытал этот пожилой человек. Лес этот лежит между двумя деревнями, и соединены они тропинкой протяженностью около половины лье. Оставив Питера охранять мобиль, мы с егерем вышли на тропинку и почти сразу наткнулись на следы, в коих егерь не смог признать ни одного зверя, живущего в его лесу. Впрочем, страшен был не сам след и даже не его размер, а то, что рядом был другой – и этот второй след при-

надлежал ребенку. Мы вернулись назад: я к мобиле, чтобы взять специальное снаряжение и Питера, а егерь в деревню за пятью-шестью мужчинами покрепче.

Когда все собралось, я провёл краткую беседу, объяснив, как пользоваться нашим снаряжением. К удивлению моему, эти деревенские жители довольно быстро схватили суть нашего плана и почти сразу проявили недюжинную сноровку в обращении с пилящими тросами и утяжелителями, и менее чем через час наиболее быстрым порядком мы вновь отправились по следу. Он привёл нас к одному из домиков на отшибе второй деревушки, название которой сохранилось лишь в моём отчёте, а из памяти моей выветрилось навсегда. Приняв все меры предосторожности, мы вошли в дом и обнаружили там чудовище. К моему величайшему удивлению и облегчению, оно уже подохло, и что стало причиной его смерти, мы так и не выяснили. В тот момент я не особо этим озадачился, гораздо больше меня волновало другое – как мы будем транспортировать труп чудовища до Лютеции. Прошу понять меня верно – это редкая удача, мы впервые получили в руки целый труп. Вначале я решил, что саркофаг с древней женщиной следует оставить здесь, а чудовище погрузить в мобиль вместо него и на крейсерской скорости домчаться до Лютеции, однако здесь нас ждал неприятный сюрприз. После того, как мы с огромным трудом вдеватором сумели выгрузить саркофаг из мобиля, а затем погрузить туда чудовище, выяснилось, что мобиль точно также не желает

двигаться на своей обычной скорости с чудовищем внутри, как и с саркофагом.

Именно этот факт (признаюсь, немало меня обескураживший) и натолкнул Питера на очередную его сумасшедшую и опасную идею, которую он не замедлил воплотить, при полном упущении и недосмотре с моей стороны».

Аслан остановил карандаш, поднял голову.

– А скажи-ка мне ещё раз, друг, как это ты всё-таки додумался распилить чудовище?

– Это не чудовище, – рассеянно ответил Питер. Он опять не спал, сидел нахохлившись, хмурился и грыз карандаш, уставившись в свой рисунок главной панели мобиля. – Ты же сам видел.

– Это мы выясним позже, – сказал Аслан. – Мне нужно знать, почему и зачем ты распилит его.

– Это же как дважды два, Аслан, – сказал его друг. – Мобиль не едет быстро, когда саркофаг внутри. Мы предположили, что мобиль в некотором смысле «бережёт» саркофаг от потрясений и ускорений, потому что тот его об этом в некотором смысле «попросил».

– Ну, – нетерпеливо сказал эвакуатор.

– Ну, ну, – передразнил Питер. – Но мобиль не движется и тогда, когда внутри находится чудовище.

– Чудовище, значит, – кротко повторил Аслан.

– Тьфу! – сказал Питер. – То есть не чудовище. Хотя чёрт с ним, пусть будет пока чудовище. В порядке обозначения.

Так вот, мобиль не хочет ехать и с ним. Если мы будем последовательны в своих гипотезах – а мы будем последовательны в своих гипотезах – то можно предположить, что чудовище и мобиль тоже некоторым образом сообщаются.

– Некоторым, – проговорил Аслан, черкая карандашом по бумаге. – Сообщаются.

– А раз они сообщаются, то не исключено, что чудовище это – вовсе не чудовище.

– А что?

– Вот чтобы выяснить это, – спокойно произнёс Питер, – я его и распилил. Благо все инструменты были в наличии.

– Нет, – мрачно сказал эвакуатор. – Распилил его ты лишь потому, что меня рядом не оказалось. И за это ещё ответишь. Некоторым образом.

3

«...Воспользовавшись пилящими тросами и мнимым авторитетом в глазах местных жителей, Питер сумел отрезать чудовищу сначала ноги, а затем заднюю часть. Здесь следует пояснить, что оное чудовище собой напоминает гигантскую осу, только с вывернутым вертикально вверх брюшком и без крыльев. Вот это «брюшко» и было отпилено за каких-то двадцать минут, пока я улаживал с егерем и старостой деревни все формальности.

Когда я вернулся и увидел, что он натворил, возмущению моему не было предела. Но поскольку сделанного не вернёшь, пришлось исследовать то, что получилось. А взору на-

шему предстали, признаю, весьма любопытные вещи.

Первое, что мы поняли – чудовища не являются животными в привычном нам понимании. Их кровь, если это кровь, не красного цвета. Жидкости эти имеют цвет от прозрачного до маслянисто-зелёного и очень резкий запах. Далее загадка стала ещё сложнее, потому что «брюшко» раскрылось! Не знаю, то ли в результате удара о землю, то ли от того, что оно потеряло связь с остальным телом.

Стало ясно, что это не животное. Потому что это был не желудок. Это две очень комфортабельные кабины из упругого и прочного материала, в которых обнаружись два человека – пожилая женщина и девочка (видимо, её следы мы обнаружили на тропинке) из местных. Они были живы и здоровы, только, разумеется, крайне испуганы; мы поручили их заботам егеря и старосты.

Я не сказал это Питеру, и вряд ли когда-нибудь найду силы сказать, но здесь мне скрывать нечего: да, его мысль, что чудовища – это некий транспорт, не лишена известного остроумия. Правда, дальше он делает выводы совершенно несуразные – что этот транспорт призван не погубить, а спасти людей. Что некие силы в преддверии Яум аль-Кийяма собирают или спасают избранных людей, чтобы сохранить человечество после Страшного суда. Я не стал при посторонних насмехаться над этим бредом, хотя понятно, что тут же возникает множество вопросов, как то: как отбираются люди? куда они их доставляют, ведь конец света коснётся всего ми-

ра? как они управляют этими чудовищами, как они общаются с ним?

Единственное, чему я не могу найти возражения, и это я тоже пишу скрепя сердце – так это тому, что конец света, День воскрешения, День весов, несомненно близится. Я не являюсь усердным мусульманином, нет, но происходящее вокруг не может временами не повергать в уныние даже человека с такой крепкой душевной организацией, как моя (пишу об этом без ложной скромности). Словно нити разрушения и упадка тянутся к нам из будущего сквозь стремительно истекающие дни, сея раздор и отчаяние в умах и сердцах людей, вызывая из тьмы небытия мрачную нежить и порождая странные, враждебные человеку кудеса природы».

– Слушай, – произнёс вдруг Питер. – А эти пилящие тросы с утяжелителями, это тоже с вашего древнего склада?

– Сам-то как думаешь? – сказал эвакуатор. – Сверхпрочный и сверхтонкий трос, покрытый алмазной крошкой. Утяжелители, которые меняют массу. Конечно, такие штуки делают крестьянки на севере, зимой, между делом, когда работы поменьше.

Питер неодобрительно посмотрел на Аслана, затем спросил:

– А кто догадался ими воспользоваться? Ну, как ты показывал местным.

Аслан коротко наклонил голову.

– Правда, мы ещё ни разу не испытывали этот метод. –

Вздыхнул и добавил: – Мы ещё ничего против чудовищ не испытали. Единственное чудовище, которое попало к нам в руки, сдохло само. И то целиком доставить не получилось...

– Да ладно тебе, – произнёс Питер. – Зато бабушку спасли, с внучкой.

– Здесь ты прав, на бабок тебе везёт, – сказал Аслан. – Но это не суть. Суть в том, что допустимые потери у нас составляют три-четыре человека на одно чудовище. При условии, что оно будет эвакуировано и утилизировано.

Питер нахмурился, соображая.

– То бишь уничтожено.

– Да, эвакуировано и утилизировано, – повторил эвакуатор. – Таким образом, самое главное, что обошлось без потерь среди подотчётного гражданского населения. Я смею скромно надеяться, что моё начальство не упустит из своего драгоценного внимания этот факт. И твой суд это обязательно учтёт. Отделаешься каторгой.

– То есть тебе дадут новое звание? – спросил Питер, помолчав.

– За чудовище – да. А за Люца, да хранит всевышний его душу, посадят в тюрьму.

– В тюрьму, зато полным лейтенантом.

– В этом суть человеческой жизни, – философски сообщил эвакуатор, возвращаясь к своему планшету. – Ведь что может быть лучше повышения? Только внеочередное повышение.

«Мы погрузили останки чудовища на подводы, которые нам любезно выделил староста Лилля – правда, после некоторых переговоров, детали которых не должны бросить тень ни на одну сторону. Поскольку лошадей в деревне нам не выдали, да и не было у нас людей, чтобы ими управлять, нам пришлось соединить эти подводы цугом и некоторым образом запрячь в них наш мобиль. Питер также настоял, чтобы мы забрали с собой и отпиленные ноги чудовища, их мы поместили в мобиль. (Как-то даже не ожидал, что он может быть настолько упрямым). Но все эти бытовые и технические препятствия просто меркнут перед теми препонами, которые нам учинили люди, облеченные властью, а более всего декан провинции Тулуза господин Розье.

Совершенно не хочется упоминать это, но надо быть честным с собой и уважаемыми потомками. Если излагать сжато, то его деяния были таковы: после того, как мы прибыли в Тулузский сортировочный пункт, где он на наше несчастье пребывал с проверкой, он привязался к нам – и с настойчивостью, достойной лучшего применения, пытался конфисковать у нас лаконский саркофаг и останки лилльского чудовища. Ссылался он при этом на какие-то дикие местные законы о сохранении памятников старины и древности. Я указал ему на несоответствие его компетенции его же претензиям. Когда нас растащили, он приказал забрать у нас саркофаг силой. Мной уже было решено, что я положусь на все-

вышнего и буду отстаивать вверенное мне имущество Службы с оружием в руках, как вдруг на нашу сторону встали горожане, собравшиеся поглазеть на препирательства. Честно сказать, это наводит на размышления: каким же образом надо досадить своим же землякам, чтобы те встали на сторону мусульманина, да ещё и из столицы, да ещё из глубоко чуждой им организации? Господин Розье ничего не смог противопоставить данному факту и вынужден был ретироваться ни с чем, однако паспорт на выезд из города нам, разумеется, не подписали. Весь оставшийся день и следующее утро мы разыскивали других чиновников, которые могли дать нам это разрешение, и к обеду нам удалось это сделать. Заодно Питер поведал мне о любопытном явлении, которое называется «сумма юрисдикций» – это когда несколько чиновников более низкого ранга могут фактически аннулировать решение более высокопоставленных лиц, включая и своего прямого руководителя. Честно сказать, у меня довольно противоречивые ощущения по поводу этого явления; такие чиновники ничем не лучше ткачей, вставляющих башмаки в ткацкий станок. Не забыть: что, если в каждом крупном городе организовать отделение Службы? Тогда многие задачи будут решаться значительно проще и быстрее.

Но не «сумма юрисдикций» помогла нам выбраться из замечательного города Тулуза. Мы выехали по полицейскому разрешению, как свидетели. Вот как это получилось. Во время метаний в поисках то одного, то другого чиновника мы,

к нашему величайшему удивлению, встретили ту самую почтенную женщину с внучкой, которых вынули из чрева чудовища, они как раз проходили процедуру получения временного паспорта до Лютеции, и нас тоже включили в список. Пока мы беседовали и оформляли документы, выяснилась крайне неприятная вещь. После своего чудесного спасения, слух о котором разнёсся далеко за пределы их деревеньки, они мгновенно стали изгоями. Почтенная женщина рассказала мне, что по местным поверьям чудовища являются посланниками ада, отверзшегося где-то на севере, в окрестностях (конечно же!) Кале, и приходят либо за отпетыми грешниками, либо за слугами его. Бабушка с внучкой и так жили на отшибе, кроме того, они родом из северных провинций – так что Питер был совершенно прав, сказав позже, что удивляться стоит скорее тому, что их выпустили живыми, а не устроили небольшой сельский праздник *con auto de fe*».

5

– Скорее! Они идут!

Егерь Шосс, крупный пожилой мужчина, едва не плакал. Майя же, одетая и обутая, безо всяких затей редела в голос, прижав свой мешок к груди. Что их ждёт, она, конечно, не понимала, но страх, написанный на лице взрослых, она читала без труда.

– Скорее, бабушка! Скорее-ее!

Из подвала раздался спокойный голос:

– Заткнитесь оба. Шосс, в чулане бак с маслом. Облей дом

как следует со всех сторон. Мне нужна одна минута.

Егерь кивнул и вышел, Майя замолчала, лишь изредка всхлипывала.

А в подвале бабушка тем временем открыла сундук, вынула из него терминал связи.

– Скорее.

Экран мигнул, и сразу же на нём появилось лицо немолодой полной женщины.

– Питание кончилось, – склонившись над экраном, яростно проговорила бабушка. – Слышишь? Автокапсула у них, и они ездят на одном из твоих глайдеров.

Искаженный женский голос запричитал:

– Ты опять всё испортила, господи, за что мне это...

– Чёрт с тобой, – сказала бабушка и потянулась к экрану, чтоб закрыть терминал.

– Стой! – взвизгнул динамик. Бабушка замерла с вытянутой рукой. – Они нашли её. Добудь мне её, Ирма Прелати, добудь любой ценой, слышишь? Иначе ему...

– Выберусь, пришлю открытку, – сказала бабушка, захлопнула экран, положила терминал в сундук и увидела егеря Шосса, стоявшего на лестнице наверх. В руке у него был горящий факел, и он во все глаза смотрел на сундук.

– Шосс, – сказала бабушка через две долгих секунды. – Решай быстрее уже.

Шосс покивал быстро-быстро и протянул ей руку.

– Вы мне потом всё объясните, мадемуазель Прелати.

– Обязательно, Шосс, – выдохнула бабушка. – Скорее же.

Они поднялись из подвала, опрокинули остатки масла на лестницу, бак забросили вниз. Бабушка схватила за руку Майю, Шосс говорил торопливо:

– Идите быстро по этой тропинке, лошади в роще, на одной скачете, другая сменная. Я буду ждать их здесь. Дом сожгу.

– Жги, – сказала мадемуазель Прелати. – Чтоб ни следа не осталось. Особенно от подвала.

– Дорогу до Тулузы знаете?

Бабушка коротко кивнула.

– Ну с богом тогда, – сказал Шосс. – Ирма. Красивое имя.

Мадемуазель Прелати внезапно привлекла его к себе и поцеловала прямо в губы.

– Дурак ты, Шосс, – сказала она глухо, и через полминуты они с Майей скрылись в роще.

Егерь постоял ещё, затем пошёл к дому, поспешил палец, чтобы определить ветер, и поднёс факел к стене. Затем к ещё одной. И ещё. Столб пламени и дыма густел и расширялся с каждой секундой, и вскоре Шоссу пришлось отойти подальше.

Несколько человек с кольями и вилами в руках подбежали к нему. Движения их были лихорадочными, глаза опасно сверкали.

– Где она? – закричали они издали. Егерь не стал отвечать, а просто кивнул на пылающий домик.

Собралась толпа. Это были одни мужчины, все с вилами, топорами, дрекольём. Самые беспокойные разломали амбар и швыряли охапки сена в огонь, весело что-то при этом крича.

– Что, Шосс, кончилась твоя ведьма, – услышал егеря. Обернулся неторопливо.

Рядом стоял староста деревни с двумя незнакомцами в серо-золотых мундирах королевской прокуратуры. Незнакомцы Шоссу не понравились. У одного тонкое нервное лицо, полуприкрытые лениво веки, развинченная поза, плавные движения – и вместе с этим цепкий, беспокойный жадный взгляд. Второй постарше, на лицо попроще, поживее и даже в чём-то вызывает симпатию, если бы не оружие, которое выпирало, висело и торчало отовсюду у обоих – разумеется, в нарушение всех законов, и местных, и королевских. Столичное подчинение, хозяева жизни... Причём сабли почему-то справа, они что, оба леворукие? Прокуроры смотрели на горящий дом, затем один спокойно и нагло взглянул на егеря. Шосс опустил глаза, кашлянул и ответил старосте:

– Это скорее твоя ведьма, Гильям. Я ей разрешение на жительство не давал.

– Зато участок выделил, – немедленно парировал староста. – Общественный, замечу, участок.

Шосс не ответил – исподтишка наблюдал за реакцией пришлых, но прокуроры вообще, казалось, не слышали их взаимное подсиживание. Значит, не ведьма их интересует, и

не те, кто пустил её сюда – ну и хвала небесам. Староста промолчал, видно, подумал о том же самом; представлять прокуроров егерю он явно не собирался, а вместо этого спросил:

– Лошадей моих нашёл? А то ведь с тебя вычту. В твоём лесу пропали.

– Это она, – Шосс кивнул на пылающий дом. – В подвале головы и шкуры.

– Ах ведьма, – сказал Гильям без особого расстройств.

– Ты был в подвале, – произнёс один из незнакомцев, помолже и ленивый.

– Недолго, – ответил егерь. – Успел только святой крест сотворить, всё загорелось.

– Кроме голов, заметил там что-нибудь? – спросил второй, который поживее. И взглянул на Шосса пронизательно.

– Да что там заметишь, – егерь почесался с самым простецким видом. – Дьявольские штуки, известно что. Ну теперь всё огонь очистит, слава богу.

– Девчонка с ней?

– Девчонку она сожрала, – авторитетно сказал Шосс. – Вот не сойти мне с места, на моих глазах ручку доедала. Клыки – во! Когти – во! Еле убежал.

– Ясно, – сказал ленивый, а егерь внезапно понял, что этот прокурор совсем не молодой, просто выглядит молодо; от этого стало ещё неприятнее.

Вдали показалась повозка. Шосс про себя отметил, что это очень хороший экипаж – закрытый, с ладной четверкой

лошадей; даже по одному взгляду на них было ясно, что ухаживает за ними человек знающий и в средствах не стеснённый: новенькая сбруя, расчесанная и заплетенная грива, одинаковая масть, караковая. Моложавый прокурор поднял ладонь козырьком. Второй спросил коротко:

– Декан?

– Декан, декан. – Взглянул на старосту и егеря, усмехнулся. – Пойдёмте, уважаемые. Поприветствуем ваше начальство.

И пошли вдвоём, не дожидаясь ответа. Одного из них звали Терье, а имя второго настолько редко произносилось вслух, что он сам его с трудом помнил, тоже переговаривались о своём.

– Он сможет? – спросил безымянный.

– Думаю, да, – ответил Терье. – Устроит какую-нибудь проверку.

– А успеет?

Вместо ответа Терье кивнул на великолепный экипаж.

– Успеет.

– Всё равно подними пару-тройку ребят, – сказал безымянный спокойно. – Из тех, что посвежее.

– Подниму, конечно, – сердечно ответил Терье. – Четверых подниму. Хватит же?

Собеседник не обратил никакого внимания на иронию в его голосе, кивнул и произнёс:

– И мундиров ещё ваших надо.

Терье оглянулся и неожиданно спросил:

– А где эти двое?

Безымянный понял, о ком речь, тоже огляделся, но ни старосты Гильяма, ни егеря Шосса видно уже не было. Он посмотрел на Терье.

– Нет, – ответил тот на невысказанный вопрос. – Ими позже займутся. Другие люди.

В эту же секунду, в трехстах шагах от них, в лесу, егерь сказал старосте небрежно, насколько позволяла ранняя одышка:

– За лошадей велела передать тебе... спасибо.

– Дурак ты, Шосс, – ответил Гильям, не оборачиваясь. – Не болтай, береги дыхание.

Они быстро шли по лесной тропинке, ссутулившись и накинув капюшоны плащей. Шосс ощутил покалывание в боку и вспомнил некстати и с неудовольствием, что Гильям старше его почти на двадцать лет.

– Я же не знал, – сказал он, догоняя и пристраиваясь рядом со старостой. – Я ж как лучше хотел.

– Знаю, – безразлично сказал Гильям. – Теперь-то уж что. Если доедет до Тулузы, то может и скроется.

– А мы куда идём? – спросил егерь, хотя знал, куда.

– К её тайнику, – ответил староста. – Там отсидимся, разберёмся, что к чему. Потом двинем подальше, на север. Если прокуроры не по нашу душу, то выплывем.

– А если по нашу?

Староста Гильям помолчал, затем ответил:

– Значит, ей никто больше не поможет.

6

Если что-то можно не делать, то лучше этого не делать. Таковую потрясающую в своей простоте и свежести истину Питер усвоил буквально на следующий день после того, как они с Асланом расстались по прибытии в Лютецию: эвакуатор отправился на службу, а Питер к себе домой, на Рю де ла Пэ. Путь из Тулузы занял неделю и обошёлся без дополнительных приключений, и, по всей видимости, именно это обстоятельство сподвигло Питера пойти на кафедру в Академию, хотя формально отпуск ещё не закончился; можно было посидеть дома, начать собирать мысли для статьи, нанести пару академических визитов в поисках поддержки в будущем, да мало ли.

Но нет же.

А на кафедре его уже ждали.

В небольшом помещении было тесно и однообразно. Теснота получилась из-за того, что на всех стульях, на кресле для посетителей и даже на краешке стола сидели какие-то люди, а однообразие было в их одежде, серой с золотым. Питер почувствовал, как в груди что-то толкнулось панически: королевская прокуратура. Ну и рожи... Один из серо-золотых сидел и на его стуле и спокойно, обстоятельно рылся в его шкафу. Папки с бумагами, брошюры, конспекты и книги лежали вокруг на полу. Он коротко взглянул на Питера,

затем продолжил своё занятие как ни в чём не бывало; почему-то к нему не ощущалось никаких претензий: человек просто делал своё дело. На месте же завкафедрой восседал лично господин Бризено, заместитель директора Академии по финансам и благоустройству.

– Это он? – спросил моложавый тип в серо-золотом, свободно присевший на краешке стола. Заместитель директора поднял голову и закивал торопливо.

– Да, да, это он, он.

– Господин Кафор, – сказал тип. – Я младший прокурор Терье, а это мой квинтет.

Прокуроры в разных углах кабинета одновременно оторвались от бумаг и посмотрели на Питера; он почувствовал, как внутри что-то холодеет – уж слишком их было много, и лица у них были всё-таки да, страшноватые.

– Кэтфорд, – машинально произнёс он.

– Простите?

– Кэт-форд, – повторил учёный. – Фамилия моя происходит с островов. Не Кафор.

Моложавый Терье некоторое время молча улыбался Питеру, затем сказал:

– Правда ли, что на вашей кафедре работают три полных доктора наук, шесть полудокторов и десять бакалавров?

– Правда, – сказал Питер, слегка удивившись такой осведомлённости. – Но сейчас почти все в экспедициях и отпусках.

Стоять было неудобно, но сесть было некуда. Терье поднял одну из раскрытых папок, лежащих перед ним.

– Из них историк лишь один полудоктор, а остальные, включая и вас, имеют самые разные специализации, от философской до технической.

– Так и есть, – ответил Питер. – Я, например, математик.

– А кафедра называется кафедрой архео-со-фии, – Терье неодобрительно огляделся. – Числится за институтом истории и прочих развлечений.

Питер кивнул, очень спокойно и с достоинством.

– Вы не находите это странным? – спросил младший прокурор.

– Что? – учёный растерялся.

– Ну, что математик, физик, философ работают здесь, на исторической кафедре в историческом институте.

– У нас... – начал было Питер.

– Молчать, – не меняя интонации, сказал Терье. – Что за чушь вообще?

Питер молчал и моргал глазами чуть чаще.

Терье несколько секунд созерцал его физиономию, затем, видимо, удовлетворился зрелищем, поскольку ответа не ждал.

– Считаем, что это не отвечает интересам короны. Господин заместитель директора разделяет это мнение и оказал нам полное содействие в этом вопросе. Пожалуйста, господин Бризено.

Бризено, который до этого момента сидел словно не дыша, засуетился, поправил пенсне на длинном бугристом носу и начал читать, запинаясь на каждом слове.

– Согласно оперативному постановлению королевской прокуратуры по делу номер... – здесь заместитель директора поднял голову на Терье.

– Дело вноменное, – значительно сказал тот. – Ввиду особой важности.

Глаза Бризено расширились, он покрепче схватился за папку и продолжил:

–...делу номер эээ... в общем, считать руководство кафедры археософии Института истории временно исполняющими свои обязанности с января этого года, без права единоличной подписи. Все приказы, запросы, распоряжения и прочие исходящие данных подписантов за этот год теряют силу и подлежат проверке, которая будет осуществляться специальной совместной комиссией, образованной из служащих четвертого квинтета королевской прокуратуры и счетоводческого отдела Академии.

– Вот так, – сказал Терье, кивнув.

– Что происходит? – напрямик спросил Питер у Бризено. Заместитель директора с ненавистью посмотрел на него.

– Я откуда знаю.

– Знаете, знаете, – произнёс младший прокурор. – И мы тоже узнаем.

Питер помолчал, чувствуя, как свинцовый холод заполня-

ет его живот; затем, давясь от стыда, произнёс:

– А при чем здесь я? Собственно, я ведь заместитель, и подпись у меня... не первичная.

Уши его полыхали. Было отвратительно и мерзко.

Ещё хуже было то, что Терье улыбнулся – понимающе.

– Видите ли, господин Кафор, – сказал он. – Вы теперь не только заместитель, но и заведующий. Господин Виннэ вот уже почти час как отказался от кафедры.

– У него удар, – сказал Бризено бесцветным голосом. – Сердце. Так что вы теперь временно исполняющий обязанности.

– Ну временно или кратковременно, это будет зависеть, – сказал младший прокурор значительно.

– И от чего же? – спросил Питер.

– Ну, к примеру, вот, – Терье поднял к глазам лист бумаги. – Экспедиция в провинцию Лангедок, окрестности города Каркассон, захоронение древних. Отчёта, кстати, до сих пор нет.

– Древние? – насторожился Бризено.

– Это была не экспедиция, – угрюмо сказал Питер. – Я был в отпуске, а ездил за свой счёт.

Младший прокурор его реплику проигнорировал.

– Пока что выходит, что ваша экспедиция была безрезультатной, – сказал он. Слово «экспедиция» он выделил. – Кроме того, свидетели утверждают, что вы использовали уникальную эвакуаторскую самоходную повозку, она же – мо-

биль, для банальной транспортировки некоего груза. Вы знаете, какой счёт выставит Служба эвакуации вашей Академии за использование этого мобиля? А какой процент возьмёт Торговая и финансовая гильдия за обеспечение сделки? А сколько запросит Судейская коллегия, если дело дойдёт до неё?

– Нет, не знаю, – коротко ответил Питер. Заместитель директора по финансам сделал ему страшные глаза, затем тут же сказал, обращаясь к Терье:

– Так, получается, что-то же он нашёл? Раз что-то вёз.

– Вот с этого мы и начнём наше расследование, – сказал младший прокурор Терье. – Как бы не оказалось, что целью этой *экспедиции* и был оплаченный Академией счёт эвакуаторов за транспортировку.

Питер ещё раз хотел сказать, что это была не экспедиция, но не стал.

Господин Бризено снова, но уже с ужасом, посмотрел на Питера; было совершенно очевидно, что даже он, опытный руководитель, не ожидал от молодого учёного такого коварства.

Питер сказал ровно:

– Это бред, всё, что вы сказали. Отчёт об изыскательском отпуске будет завтра, и там будет всё написано, почему, как и что.

– Ну вот видите, – немедленно сказал Бризено с примиряющими интонациями. – Отчёт будет, он напишет.

– Бред, значит, – сказал Терье. – А будет ли в нём указано, что вы оказали активное противодействие властям Тулузы в лице декана Розье? Подстрекали горожан к свержению местной власти и призывали к оружию. С целью организовать свою гильдию или академию.

Наступила короткая тишина; лишь молчаливый прокурорский квинтет шуршал бумагами. Бризено с потрясённым видом качал головой. Это невозможно, шептал он почти беззвучно – но так, чтобы Терье его слышал.

– Нет, не будет, – ответил Питер. – К результатам отпуска это не относится. И ни к чему мы не подстрекали.

Розье, сволочь, пакостник.

Младший прокурор Терье кивнул.

– К сожалению, – сказал он, при этом в голосе его не было и намёка на сожаление, – мы не можем ждать вашего отчёта. Поэтому будет протокол.

– То есть? – не понял Питер.

– Вы прямо сейчас покажете ваш саркофаг и ответите на все вопросы. Мои вопросы.

Питер пожал плечами. Очень хотелось выглядеть уверенным, спокойным и непрошибаемым. Чтоб сразу было ясно, что бояться ему нечего, что отвечает он прокурору лишь из вежливости и уважения к государственным службам, а вовсе не из страха и даже не из опасения.

– А господин Бризено выступит в роли эксперта, – сказал младший прокурор Терье, поднимаясь. – Чтобы не было

тайн и неясностей.

– А саркофаг не у меня, – выдержав паузу и стараясь не звучать злорадно, сказал Питер. – Он у эвакуаторов на складе. В уникальном самоходном мобиле.

Прокурорский квинтет в разных концах комнаты отчётливо замер, а тот, что сидел на месте Питера, тот самый, что просто делал своё дело, вдруг произнёс скрипучим голосом:

– То есть как это?

Питер вздрогнул от неожиданности, отругал себя. Терье некоторое время безо всякого выражения смотрел в потолок, затем словно проснулся, потёр двумя пальцами кончик носа и заговорил тихо-тихо:

– Получается, что результат дорогостоящей экспедиции Королевской Академии наук находится не в самой Академии, а где-то ещё. Молчать! – прошипел он, видя, что Питер хочет возразить. – И руководитель экспедиции, разумеется, теперь доступа к нему не имеет, о чем радостно сообщает. Что же это за учёные такие у вас?

Бризено молчал, молчал и Питер, совершенно справедливо полагая вопрос риторическим. Терье наклонился к бумагам на столе.

– Месье Кафор, двадцать четыре года, «...заместитель заведующего кафедрой, имеет право вторичной подписи с января месяца»; среди прочего ему полагается «доцентская ставка, надбавка за степень», а в прошлом месяце ещё и «отпускные» и, самое интересное, «без-воз-мездная ссуда на на-

учную работу».

Звонящая тишина обрушилась на кафедру археософии. Никто не шуршал бумагами, не шевелился, а господин Бризено, похоже, даже не дышал – и вообще был близок к обмороку.

– Это. Пахнет. Коррупцией, – выделяя каждое слово, произнёс младший прокурор Терье. – Как вы считаете, господин Бризено? А? Что говорите? Громче.

– У нас... у нас уже готов приказ, – лепетал Бризено. – То бишь, есть приказ. Давно.

Терье поднял брови.

– Какой такой приказ?

– А вот у меня с собой есть копия, совершенно случайно... Приказ, эээ, директора Академии наук... Эмгм... В связи с сокращением фондов и во избежание растрат и злоупотреблений приказываю... тут много... Вот. Надбавка за учёную степень, отпускные, экспедиционные и прочие вознаграждения будут выплачиваться только тем сотрудникам, чья специализация соответствует специализации кафедры. Все остальные будут финансироваться на общих основаниях, после ежегодного рассмотрения и утверждения Советом Академии.

– Постойте, постойте, – сказал Питер ошеломлённо. – Погодите. Я о таком приказе...

– Хороший приказ, одобряю, – сказал Терье. – А каким числом он подписан?

– Январём, – крепнувшим голосом ответил господин Бризено. – Январём этого года.

На Питера он не смотрел.

– А каким образом Академия будет восстанавливать ошибочно выплаченные средства? – поинтересовался младший прокурор, выпрямившись и оправляя на себе мундир. Похоже, его мысли были уже далеко. Его квинтет закончил работу и беспорядочно сваливал все бумаги и папки обратно в ящики столов и шкафов; Питер стиснул зубы. Бризено же окончательно оправился и уверенным голосом ответил:

– Я думаю, мы решим этот вопрос. Скорее всего, эти сотрудники будут восстанавливать их за счёт своего оклада. В течение некоторого времени, разумеется.

– Что ж, – сказал Терье вяло. – Похоже, в деле вскрываются новые обстоятельства. Мы отправляемся к эвакуаторам. Вас вызовем повесткой. Господин Кафор. Господин Бризено.

С этими словами младший прокурор Терье вместе со своим квинтетом покинул помещение кафедры. Через две секунды господин Бризено как ни в чем не бывало тоже засобирался и вышел, что-то озабоченно бормоча себе под нос. На Питера он так и не взглянул.

7

Ур-роды.

Питер пришёл в себя лишь минут десять спустя и тут же начал считать, сколько он потерял в деньгах – не из меркан-

тильности даже, а просто чтобы чем-то заняться.

Вышло две трети. Он потерял две трети своего заработка. Он не поверил и пересчитал ещё раз, медленно и спокойно.

Гады.

Нет, всё верно. Его доход теперь равнялся доходу обычного бакалавра и составлял примерно восемьдесят тысяч новых франков в год. Это без учёта того, что ему придётся восстанавливать «ошибочно выплаченные средства» за полгода... Питер смотрел на листочек, исчерканный цифрами и ясно осознавал: это катастрофа.

Подлецы.

Что можно сделать?

Можно подать жалобу на Бризено. Ага, в прокуратуру, господину Терье лично в руки. Можно подать жалобу на Терье. Генеральному прокурору, или нет, сразу принести в покои её несовершеннолетнего высочества, тоже лично в руки... Лорду-протектору? Но формально господин Оливер такой же чиновник на службе у короны, как и генеральный прокурор – как бишь там его. Советники одного ранга. Судейская коллегия? Дорого... Жалобы – это очень дорого и очень долго, а деньги, как всегда, нужны прямо сейчас. Очень, очень некстати всё это... На уголь и дрова сбережений хватит, но на всё остальное? До осени Питер хотел сделать крышу, расчистить двор и сад, подлатать ворота, а лучше поставить новые, и, самое главное и срочное, починить

отопление. Зимы становились всё холоднее, а дом на Рю де ла Пэ ветшал не по дням, а по часам.

Дом.

Идея, как и полагается, родилась из ниоткуда.

Питер вскочил и начал мерить шагами кафедру.

Конечно, надо сдавать комнаты. Наверху четыре комнаты, внизу две и гостиная. Мне хватит двух нижних комнат, рассуждал Питер, а им, жильцам, хватит и по одной. Для начала сдать две комнаты, потому что в третьей немного сыро, а в четвертой завалы барахла, до которого руки никак не доходят. Барахло потом можно унести на чердак... Если, допустим, сдавать комнату за три тысячи франков в месяц, то можно наполовину восстановить потери на ближайшее время, а в следующем году, видимо, придётся что-то придумать... А если сдавать за четыре тысячи... А за пять?

Питер стал вспоминать, как они выглядят, верхние комнаты.

Нет, четыре – это даже мало. Пять.

– А торг начнём с шести, – решительно сказал Питер вслух.

Через полчаса Питер уже шагал по улице в Печатный квартал, к вечернему «Торговому Меркурию», а в мыслях набрасывал детальные портреты своих будущих квартиро-съемщиков. Портрет получался семейным, так как было решено, что это будут брат и сестра. Брат младше, сестра старше. Они приехали в Париж, то есть Лютецию, на учёбу. Брат

посещает курсы подготовки для поступления в Криминальное училище, дисциплинирован, уважает старших, не любит сидеть дома и очень любит свою сестру. Сестра, напротив, домоседка и скромница, ответственная, умная и застенчивая провинциалка. Любит читать книжки по истории и решать несложные математические задачи... Их родители – преуспевающие землевладельцы с юга Альянде, а детей отправили так далеко, чтобы те вкусили столичной жизни; конечно же, они приедут вместе со своими детьми, и поначалу будут строго спрашивать Питера, кто он такой (учёный, доктор наук), кто его родители (отец известный лингвист, мать почтенная домохозяйка, увы, оба уже не с нами), какие у него политические взгляды (самые умеренные и вообще он далёк от политики) и образ жизни (скромный, затворнический, весь в науке). Конечно, они будут впечатлены, и очень обрадуются, что у их чада будет такой благовоспитанный и положительный лендлорд. Скорее всего, сговорятся на тринадцать тысячах за обе комнаты, плата за полгода вперёд, а ещё отец перед отъездом отзовёт его в сторонку и выдаст ещё двадцать тысяч, на случай, если по вине их детей что-нибудь случится... В общем, весьма достойные люди. И дети тоже весьма: старшая дочь красива той тихой красотой, что привлекает всех, кого втайне, кого сильнее, но никого не оставляет равнодушным. Однажды они встретятся в саду, в час мысли и уединения, и глядя на просыпающиеся звёзды, он расскажет ей, что у него на сердце, чем он живёт и о чём

мечтает, и она обязательно поймёт...

На этом месте Питер уперся в дверь с надписью «Публикация объявлений от частных лиц». Ниже мелким, но разборчивым почерком было приписано: «Отмена публикации объявления вашего конкурента – десятикратная цена». Ниже была ещё надпись, совсем мелкими буквами, она начиналась со слов «Посрамляющее конкурентов сообщение об отмене отмены публикации вашего объявления...». Несколько минут Питер изучал эти и другие листочки, там и сям прилепленные на двери; содержание их было настолько разнообразным, что пришлось приложить некоторое усилие, чтобы вспомнить, зачем он сюда пришёл.

Так. Газета, комнаты, объявление.

Следующие полчаса его жизни он с удовольствием бы забыл: ощущать себя некомпетентным просителем оказалось крайне неприятным занятием. Его долго спрашивали, чего конкретно он хочет, отправляя каждый раз к новому человеку, затем мучительно сокращали его объявление, чтоб было дешевле, причем с каждым сокращением похожий на крысу служащий газеты, который с трудом был виден из-за стопок бланков на столе, явно скучнел. Когда в итоге получилось «Комнаты, недорого» и его адрес, он совсем утратил интерес к Питеру, небрежно принял от него деньги, небрежно написал расписку, шлепнул печать и уткнулся длинным живым носом в свои бумаги. Объявление он положил в тощую стопку перед собой, а не в толстую, – видимо, от таких же лако-

ничных и экономных. Питер постоял немного, затем сказал «спасибо» и ушёл. Очень хотелось принять ванну, или хотя бы отряхнуться, по-собачьи.

8

Спустя полтора часа, в той же газете, в том же кабинете, мадемуазель Прелати сказала:

– Я могу работать горничной, экономкой, дворецким, няней, воспитателем. Знаю три языка, арифметику, грамматику, этикет. Есть диплом медицинской сестры.

Служащий газеты кивнул, что-то записал, затем спросил:

– Рекомендации есть?

– Четырнадцать штук, – холодно ответила бабушка. Ей не нравился этот равнодушный хлыщ, скрывавшийся за стопками бланков.

– Покажите.

Мадемуазель Прелати вздёрнула бровь.

– Вы что, мой наниматель? – Весь её вид являл сильное сомнение в способности своего собеседника кого-то нанять. Рекомендаций действительно было много, правда, более или менее подлинной из них была только одна – от её невестки, мадам Меффрэ. Остальные были изготовлены ими двоими собственноручно.

Хлыщ снова кивнул, как будто этого и ждал.

– Проживание?

– Конечно, в доме хозяина, – ответила бабушка. – Отдельная комната с детским местом. У меня есть внучка.

Служащий газеты сложил пальцы в замок.

– А кто будет её кормить и содержать?

– Это чудесная девочка, и она никому не помешает, – отрезала бабушка. – Напишите – условия при встрече.

Хлыщ кивнул в третий раз: клиентка попалась тёртая. Вроде всё в порядке. Он потряс кистью, макнул перо в чернильницу и начал заполнять бланк объявления начисто.

9

Весь оставшийся день Питер наводил чистоту в доме и особенно в предполагаемых для сдачи комнатах. По мере наведения порядка цена, рухнувшая до унижительных двух тысяч франков в месяц в первую секунду после того, как Питер заглянул в комнаты (на него упал кусок штукатурки), выросла обратно до четырёх и даже, чем чёрт не шутит, до пяти. Одна из комнат была немного больше и ухоженнее; там, очевидно, будет жить сестра, та, что с пышными каштановыми волосами. Вторая была меньше, здесь будет жить неприхотливый и молчаливый её брат. Обязательно неприхотливый. Они же землевладельцы, рассуждал Питер, их образ жизни прост, естественен.

Так, путая землевладельцев с земледельцами, Питер беспорядочно возил тряпкой по стенам, когда звякнул дверной колокольчик, а затем безо всякого перерыва в дверь постучали. Питер подпрыгнул в ужасе – как скоро! А он совсем не одет! А там ведь наверняка стоит вся их семья – мама, папа, брат, сестра, горничная, дворецкий и грузчики! Бог с ними, с

прислужкой, но маму и папу разочаровывать было решительно нельзя, поэтому под аккомпанемент настойчивого стука и звяканья временно исполняющий обязанности заведующего кафедрой метался по дому, распиная вещи по углам и напяливая свой лучший костюм, который предназначался для заседаний Высшего совета Академии. (На этот совет его пригласили лишь однажды, и то случайно, нечувствительно нанеся тем самым крепкий урон его кошельку: больше такую красоту надевать ему было некуда, даже на защиту диссертации он был одет скромнее). Наконец он подбежал к двери, перевёл дух, принял спокойное выражение лица и открыл.

Сразу же выяснилось, что брат с сестрой приехали без родителей, без грузчиков и прислуги, и были совершенно непохожи между собой; волосы у сестры оказались рыжеватые, выбивающиеся из-под потёртого чепчика, а брат был копия Жака Делакруа, однокашника Питера и Аслана.

Собственно, это и был Жак Делакруа.

– О, так это твой дом, – сказал Жак. Кажется, он тоже был слегка сконфужен. – А мы, собственно, по поводу комнаты, недорого...

– Рад тебя видеть, Жак, – сказал Питер неуклюже. – И твою эээ...

– Мелисса, – быстро сказал Жак. – Её зовут Мелисса.

Бывшая сестра открыла рот, затем кивнула и снова скромно опустила глаза.

– И вас тоже рад видеть, Мелисса, – учтиво закончил Пи-

тер. – Проходите.

– Мелиссе уже надо идти, – так же быстро сказал Жак. – Пока, Мелисса. Увидимся.

Мелисса некоторое время смотрела то на Питера, то на Жака, затем кивнула медленно, повернулась и пошла, отчётливо виляя бёдрами. В этом был какой-то диссонанс с её внешним видом, и в особенности почему-то с чепчиком. Питер и Жак смотрели ей вслед, словно замороженные; будто почувствовав, Мелисса повернулась, нахально осклабилась и сделала книксен.

– Пока, мальчики, – и через пять секунд, ловко прыгая через лужи грязи, исчезла за поворотом.

Осмотрев обе комнаты, Жак сказал:

– Ну что ж. Очень даже неплохо. Восемьсот за большую и по рукам.

Питер решил, что ослышался.

– Восемьсот? – кашлянув, переспросил он. – Я вообще-то рассчитывал на три тысячи. Для начала.

Лицо его однокашника приняло сложное выражение.

– Питер, – сказал он. – Три тысячи новых франков за такую комнату в месяц – это немножко не то, что можно назвать «недорого». Я это тебе говорю как специалист по всему, что недорого и со скидкой.

Так и знал, подумал Питер. Та часть его натуры, что возмнила себя финансовой, пришла в отчаяние. Оставшаяся часть взирала на происходящее с кротким любопытством.

– Три тысячи, – задумчиво произнёс Жак. – А вторая комната у тебя уже сдана?

– Нет, – сказал Питер. – Я только сегодня объявление дал. Кстати, как ты...

– Давай так, – Жак его не слушал. – Я найду тебе отличного жильца во вторую комнату за три с половиной тысячи, а за это ты с меня будешь брать полторы.

Питер нахмурился.

– Что-то как-то, – засомневался он.

– Эх, – сказал Жак. – Ну не судьба так не судьба. Пойду искать другое место. Пока. Рад был увидеться. Отличный сюртук, кстати.

– Хорошо, – решительно сказал учёный. Пять тысяч за две комнаты – жить можно. В конце концов, Жак хоть и не сын землевладельца с юга, зато знакомый.

– Только чтоб жилец был хороший, – строго, как ему показалось, сказал Питер.

– Даже не сомневайся, – сказал Жак. – Вернусь через полчаса. Жди.

Питер ничего не успел сказать, как новоявленный квартирант исчез за дверью.

Он действительно вернулся через полчаса, с шумом и вознёй. Приглядевшись, Питер понял, что шум исходил не от Жака, а от того, кто пришёл с ним, очевидно, будущего жильца. Он был весь нагружен мешками, тюками и прочим скарбом, так что лица видно не было, и тем не менее Питеру по-

казалось, что...

– А вот и второй жилец, – сказал Жак.

Второй жилец с грохотом сбросил груз на пол.

– Аслан, – сказал Питер. – Так я и знал.

Королевский эвакуатор некоторое время переводил взгляд с одного однокашника на другого, затем остановился на Жаке.

– Это что, розыгрыш какой-то?

– Почему розыгрыш? – возмутился Жак. – Питер хозяин дома. Сдаёт тебе комнату на лучшей улице в Париже всего за три с половиной тысячи в месяц. Что не устраивает?

– Привет, Питер, – сказал эвакуатор. – Он правду говорит?

– Прислуга у тебя есть или как обычно? – осведомился Жак.

– Как обычно, – ответил Питер. Ему становилось смешно. – Приходит для уборки по средам и субботам. Да, Аслан, это правда. Привет. Как он тебя нашёл?

– Да случайно сегодня увиделись.

– Надо же.

– Ага, – сказал Аслан. – В общем, ясно. Пойду за своими вещами схожу.

– А это чьи? – спросил Питер. Эвакуатор молча кивнул на Жака, вышел за дверь и вернулся – с одним узлом и одной книгой в руке. Здесь временно исполняющий обязанности заведующего кафедрой археософии не выдержал и упал в кресло перед камином, хохоча и дрыгая ногами.

– Смейся, смейся, – хмуро сказал Аслан. – Когда закончишь ржать, выйди на задний двор. Надо место расчистить.

Питер перестал смеяться.

– Расчистить?

– Ты выходи, выходи, – сказал Аслан. – Увидишь.

10

Красивая, плавных форм, крылатая машина стояла во дворе позади его дома, еле втиснувшись между старыми яблонями. Вокруг черным коробом сжимались стены соседних домов и в целом всё напоминало пейзаж в исполнении художника с боязнью открытых пространств, модным среди светских прожигателей жизни душевным заболеванием.

– Как ты сюда заехал? – спросил Питер, оглядывая узкий, втроём плечом к плечу не пройти, проход во дворик с улицы. Аслан подмигнул ему и сказал:

– У нас прокурорская проверка началась сегодня. А саркофаг твой пока ни по каким документам не проходит. Поэтому начальник мой и сказал – пока отчёта не будет, забирай его куда хочешь. Вместе с мобилем.

– Что за саркофаг? – спросил Жак, любовавшийся машиной; ему не ответили.

– Прокурорская проверка? – медленно произнёс Питер. – Младший прокурор Терье?

– Не знаю, – сказал Аслан. – Но что хорошо: меня под это дело произвели в лейтенанты. А дела Люца и Мюко задвинули подальше, пока проверка не пройдёт.

– Ого, – сказал Жак из-за мобиля. – Поздравляю.

– Это как?

– Ну я был лейтенант-стажёр, как ты помнишь, – сказал Аслан. – Стажёру не положено две командировки подряд. Поэтому, чтоб сейчас меня сплавить, им пришлось подписать приказ о присвоении звания, выплатить мне кучу командировочных да ещё и жилищный ордонанс дали.

– Какой-какой ордонанс? – поразился Питер.

– Лейтенанты эвакуации не живут в казарме Службы, – ответил подошедший Жак. – Они либо покупают жильё, либо, что чаще всего, арендуют. На это им дают годовой ордонанс, который, кстати, тебе надо подписать, как хозяину комнаты. Сумма там как раз три с половиной в месяц.

– Откуда ты всё знаешь? – с подозрением сказал Аслан.

– Я внешний куратор королевской Службы снабжения и поставок, – ответил Жак с достоинством. – Я знаю всё в этой жизни.

– А, свободный финансист, – сказал Аслан. – Ну что, тоже неплохо.

– Это всё замечательно, – сказал Питер после паузы. – Но что нам делать? Прокуроры у нас тоже были, я теперь заведующий кафедрой...

– Ого, – сказал Жак. – День повышений. Поздравляю.

– Поздравляю, – сказал и Аслан.

– Кратковременно исполняющий обязанности, – уточнил Питер хмуро. – Перед тем, как меня упекут в Лафорс. Они

думают, что мы с тобой затеяли воевать с Легри, чтобы Академия оплатила счет Эвакуации за транспортировку. Розье донёс.

Жак хмыкнул.

– Старовата схема-то.

– Не знаю, о чём ты, – злобно сказал Питер. – Только отчёта у меня тоже нет, саркофаг я им предъявить не смог, они отправились к вам, а у вас, оказывается, его тоже теперь нет. Отлично, просто замечательно.

– Ну кто ж знал, что им он так вдруг понадобится, – сказал Аслан, потирая нос. – Вот гад.

– Да что за саркофаг-то, скажет мне кто-нибудь? – спросил Жак.

11

Рассказ свой Питер и Аслан закончили, когда уже стало темнеть. Питер зажёл весь свет, затем подступил к камину, готовясь к нелегкой борьбе, однако тот сегодня не капризничал и разжёгся сразу, не чадил и искрами не плевался.

Что ж, сказал Жак, сидя в кресле с бокалом в руке, я прямо вам завидую. Такие приключения в наш меркантильный и уставший век. Я сам себе завидую, скромно ответил Питер и немедленно закусил сыром. Аслан, который пил морс, ничего не сказал, но по его виду было ясно, что он, в отличие от них, никому не завидует и весьма собой при этом доволен. Обсудили быт; после короткой дискуссии неприхотливый эвакуатор согласился занять комнату поменьше. Решаю-

щим аргументом послужил гардероб Жака, представлявший собой неподъемный сундук убойного вида; Питер осознал, что совершенно упустил момент, когда этот гроб с тряпками появился в его доме. Нет, ну вы посмотрите на них, возмутился Жак. Всё ведь устроилось как нельзя лучше – для всех, заметьте! – и всё равно в итоге я манипулятор и интриган. А там что, чердак, спросил Аслан. Ага, чердак, ответил Питер, кстати, надо бы этот вопрос того, вдруг там тоже можно жить... Ключи только найду.

И вспомнил про объявление.

– А, – сказал Жак. – Не беспокойся. Его не опубликовали.

– То есть?

– Тот тип, который у тебя принимал объявление, должен мне денег. Денег с него получить дело гиблое, но зато он мне сообщает, когда появляется что-нибудь интересное.

– Гм, – сказал Питер. – А если я завтра пойду куплю газету, а потом нажалуюсь, почему объявления нет?

– Ууу, – сказал Жак. – Тогда всё станет очень сложно. Мне придётся заплатить десятикратную цену за снятие твоего объявления, и я не смогу с тобой рассчитаться вовремя.

– Ладно, не буду, – решил Питер, подумав. – Может, его уволят?

– Хамил? – заботливо произнёс Жак.

– Хамил, – искренне сказал доктор абстрактных наук. – И не только он. Чувствуешь себя птичьим дерьмом на крыльце Версаля. В день коронации.

– Ого как завернул, – сказал Аслан. – Я запишу.

Жак кивнул.

– Бывает. Хотя редко. Его доход ведь зависит от того, сколько объявлений принесут. Новая схема. Зато сама газета вдвое дешевле. Скоро все так будут делать.

– Питер же принёс объявление, – сказал Аслан, не отрываясь от планшета. – «...ко-ро-на-ции»... И деньги отдал, пусть и небольшие. Почему он так?

– Потому что у них не прямая доля, а жалованье плюс доля, – сказал Жак. – По научному, если вы не забыли, называется «процент». Если входящая сумма меньше определенного порога, то с неё процент не идёт. Он считается как бы входящим в его минимальное жалованье.

– Ну и что, – сказал Питер. – Можно же быть хотя бы минимально вежливым за минимальное жалованье. Или оно у них настолько минимальное?

– По-разному, – сказал Жак. – И скорее всего, у них есть ещё план.

– План? – одновременно переспросили Аслан и Питер.

– Ну да, план, – слегка недоумённо подтвердил Жак. – Вы же оба работаете на государство. Вы же понимаете, что такое план?

– Как-то это неожиданно, – произнёс Питер. – Я думал, в таких конторах свобода, зарабатывай столько, сколько сможешь, открытые возможности и всё такое.

– Да, чтоб не как у нас, – подтвердил Аслан. – Шаг влево

– доклад, шаг вправо – донос. Прыжок на месте – выговор.  
– Наивные дурачки, – ласково сказал Жак. – У него план: за этот месяц собрать не меньше столько и не больше столько.

– Не меньше, это понятно, – заметил эвакуатор. – А почему не больше-то?

– Потому что если он принесёт больше, чем ему положено по плану, то на следующий месяц план повысят, а его долю понизят. И придётся работать ещё больше за совершенно те же деньги.

– Так и не работает! – снова одновременно вскричали королевский учёный и королевский эвакуатор. Жак закатил глаза.

– Я и говорю. Если всё идёт само, зачем осложнять себе жизнь?

– Дурацкая система, – решительно сказал Питер. Аслан кивнул.

– Всё как у людей.

– Нормальная, – возразил Жак. – Поставьте себя на место его хозяина. Если у него каждый будет зарабатывать прямой процент?

В голосе свободного финансиста ясно слышались нотки ужаса. Его однокашники не нашлись, что сказать.

– А Элис, она тебе кто? – спросил Аслан через некоторое время.

– Элис? – удивился Питер. – Кто такая Элис?

– Ну та рыжая, в чепчике.

– Мне он представил её как Мелиссу, – с коротким смешком сказал исполняющий обязанности заведующего кафедрой.

– А, эта, – легко сказал Жак. – Это актриса из... из одного театра, на бульваре Тампля. Забыл, как её... Она мне была нужна, гм, для солидности.

Аслан поднял брови.

– Для солидности? Из бульварного театра?

– Наверняка тоже должна ему денег, – отметил Питер.

– Это на тот случай, если вдруг хозяин дома окажется старой кошёлкой, – объяснил интриган и манипулятор. – Я подумал и решил, что старые кошёлки предпочитают не сдавать комнаты молодым и подающим надежды холостякам.

Питер и Аслан одновременно покачали головами, поражённые изворотливостью ума внешнего куратора королевских поставок.

– Кстати, чепчик, – озабоченно сказал Жак. – Надо не забыть забрать.

– А-а-а! – неожиданно воскликнул Аслан и прищурился. – Так ты, получается, и за мной следил? За приказами, кого производят в лейтенанты? Поэтому ты околачивался рядом с нашей конторой?

– Я бы попросил, – с достоинством ответил Жак. – Я лично ни за кем не следил, это раз. И не околачивался, а целенаправленно шёл. Это два.

– Его должники есть и среди эвакуаторов, это три, – сказал Питер страшным голосом. – Опутал весь город долговой ямой.

– Ямой нельзя опутать, – сказал Жак.

– Окопал, – уточнил Аслан.

– Вы меня заинтриговали, – произнёс Жак задумчиво. – Я хочу её увидеть. Что там надо сделать? Куда что засунуть?

– Жак, – мягко сказал Питер. – Не надо.

– Ладно, – неожиданно покладисто сказал Жак. – Может, я не готов. Но у меня такое впечатление, что вы с этим саркофагом, с этой женщиной, да и вообще со всей этой древней катавасией угодили в самую гущу. Я бы даже сказал, в самый жир этакого кипящего котла.

– Образно, – оценил Аслан.

– Древние ведь никого не интересуют, – язвительно сказал Питер. – Кому они нужны. Да ведь?

– Сами древние никому не нужны, конечно, – согласился Жак. – Пропали, и чёрт с ними. А вот то, что они создали – очень даже нужно.

Аслан кивнул.

– У нас в эвакуации целый склад древнего барахла. Никто даже и не чешется.

Питер сказал хмуро:

– Подожди, дай срок.

Жак вздохнул.

– Никто, как ты выразился, не чешется лишь потому, что

служба ваша находится под крылом его светлости сира Оливера, лорда-протектора её высочества Изабель, да хранят её небеса. Именно он, пользуясь своим положением, наложил все мыслимые гласные и негласные запреты на древние артефакты. Именно он собирает всё это, как ты выразился, ба-рахло.

– И что? Это же их обязанность, их работа, – сказал Питер.

– Они инструмент, их специально для этого создали, – сказал Жак. – Ну и сир Оливер – не единственный влиятельный человек в нашем королевстве. Далеко не единственный.

– Ого, – сказал Аслан. – И?

– Многим другим влиятельным людям, – медленно и с расстановкой развил мысль финансист, – не очень нравится то, что служба эвакуации владеет столькими артефактами непонятной силы, назначения и применения.

– Ну и пусть не нравится, – грубо сказал Аслан. – Нам-то что?

Жак несколько секунд разглядывал свой бокал, затем со стуком поставил его на ручку кресла.

– Короче.

– Наконец-то, – сказал Питер. – Выпьем же.

– Я скажу вам просто: есть чиновники и есть чиновники. Есть службы, и есть службы. Есть гильдии и есть гильдии. Одни хотят скинуть вторых. Третьи четвёртых, пятые шестых, неважно. Раньше оно как-то всё то на то выходило, и все были поровну. Но сейчас у одних есть кое-что опасное,

и только это останавливает всех остальных. Останавливало, точнее. Сейчас вторые вместе с остальными решили взяться за первых всерьёз. Для начала, судя по всему, решили разобраться с этим складом. И вы со своим дурацким саркофагом дали им отличный повод.

Питер морщил лоб.

– Первые, вторые, десятые... Ты скажи прямо – прокуратура тоже в этом участвует? А судьи? А легардюкор?

Жак закрыл глаза и длинно, выразительно вздохнул.

– А на чьей они стороне? – спросил Аслан. – Мы вроде как дружим со всеми.

– «Вроде как», – не открывая глаз, передразнил его Жак.

– Ну, видимо, да, ты прав, – с подозрительным смирением сказал Аслан. – Я вот только одного не пойму.

– Чего же, – лениво и снисходительно сказал Жак.

– Как нам поможет то, что ты помотришь на саркофаг?...

Трое молодых мужчин смеялись в скупой освещенной гостиной на Рю де ла Пэ. Аслан, эвакуатор, Жак, финансист; и Питер тоже смеялся, и гнал подальше гаденький вопросец: а на чьей стороне сам Жак? Каждый из них чувствовал, что что-то меняется вокруг, в хрупком равновесии старых, трусливых, жадных и опасных банд, прикидывающихся службами, гильдиями, академиями; и каждый гнал тревогу от себя, и они разговаривали, шутили и смеялись, наслаждаясь последними, возможно, минутами беззаботной жизни.

– Всё, – сказал Жак и встал. – Я созрел. Показывайте.

Потом, когда саркофаг тихо закрылся и снова стал непроницаемо-чёрным, они вышли из мобиля, сели на крылечко и долго сидели на ступеньках в ночи и тишине. Аслан и Питер переговаривались негромко, а Жак вдруг увидел, что звезды давно уже проснулись и начали свой медленный небесный хоровод; ощутил мерное дыхание ночи, уносящее последние ароматы летнего дня; и ясно осознал почему-то две вещи: что мир очень велик и что вся жизнь впереди – и как-то это было связано и между собой, и с той, что была там, в сердце чёрного саркофага. И Жак не без удивления понял ещё, что теперь она живёт и в его сердце. Не без удивления, потому что очень редко люди точно знают, кто они есть и на что способны – и лишь в моменты, подобные этому, когда свет чуда, к которому ты случайно прикоснулся, освещает всю твою жизнь и всё твоё существо, ты понимаешь, кто ты, зачем ты. Или хотя бы начинаешь понимать. Самую чуточку.

Было удивительно носить в себе такое сокровище; удивительно и немного страшно. Жак ревниво глянул на своих друзей – видят ли они? понимают ли? хранят ли её образ так же бережно, как уже хранит он? – и понял, что нет, нет и нет; и простил их за это. Посидел ещё немного, прислушиваясь к себе и ко Вселенной, затем с сожалением вернулся в запущенный садик позади дома на Рю де ла Пэ, где, еле втиснувшись между стволами яблонь, стоял мобиль эвакуаторов, красиво мерцающий под звездами.

Прислушался к разговору. Нет, говорил Аслан, дело про братство Урании у него отнимут, это точно. Тут явно пахнет майорским жезлом, да не одним, а тремя самое меньшее. Столько ведь нераскрытых дел сразу раскроется... Ему такое рановато, спасибо хоть лейтенанта дали вовремя. На последовавшие вопросы Питера, чем конкретно пахнет майорский жезл, имел ли Аслан опыт нюхания такого жезла и если имел, то как на это отреагировал его обладатель, лейтенант отвечать отказался. После ещё одного бокала Питер сказал: зато, когда эта прокурорская чехарда кончится, и всё пойдёт своим чередом, у них будет а) саркофаг, б) труп чудовища и с) целый склад для исследования и изучения. Это же минимум пять докторских. А то и шесть. Аслан помолчал, затем, мстительно подбирая слова, негромко осведомился, а нету ли среди этой груды бесполезной макулатуры чего-нибудь стоящего, капитанского шеврона например. Питер тоже немного подумал, закусил, прожевал, – и в самых вежливых выражениях посетовал на пещерный карьеризм отдельных без году неделя лейтенантов, в то время как именно наука является объективной ценностью. Аслан, исчерпав доводы, начал загибать временного заведующего кафедрой в бараний рог, видимо стремясь таким образом привить строптивому доктору наук свою систему приоритетов.

Веселье было в самом разгаре, когда неприятный и знакомый уже Питеру голос произнёс у них за спиной:  
– Господин Кафор.

Надо отдать должное эвакуатору – он хотя и дёрнулся, но тут же справился с собой: спокойно встал, потянулся, повернулся и оглядел младшего прокурора Терье, стоявшего в дверях, с ног до головы. Свободный же финансист не был столь выдержан (или не столь трезв), поэтому от неожиданности просто упал со ступеньки, где сидел, попытался встать, поскользнулся, с проклятиями ухватился за ветку стоявшей рядом яблони, оторвал ветку, ещё раз упал, издал нечто вроде рычания и наконец поднялся. Даже в полутьме он выглядел потешно – красное лицо, взъерошенный вид, листочки, веточки и прочий мусор, там и сям прилипший к его одежде.

– Ого-го-гоу, – сказал он весело.

В двери, загораживая свет, идущий из гостиной, стоял прокурор Терье и второй, тот, что рылся в столе Питера. Опять не запер входную дверь, с досадой подумал учёный.

– Я так понимаю, вы – Аслан аль-Джазия, лейтенант службы королевской эвакуации, – сказал Терье.

– Правильно понимаете, – сказал Аслан. – Это я.

– Вам и господину Кафору предписывается немедленно вернуть саркофаг в распоряжение королевской прокуратуры.

– А можж-но взглянуть? – не совсем твёрдым голосом произнёс Жак.

Младший прокурор Терье очень медленно повернул голову к нему, будто только сейчас заметил.

– Вы кто такой? – неторопливо произнёс он.

– Я! – объявил свободный финансист, – я внешний куратор королевской службы снабжения. Ж-жак Делакруа, квашмуслгм. Т-р-гова-финсссс... Гильдия! Да! Хотелось бы взглянуть на, – здесь Жак нахмурился, мучительно вспоминая слово. – О! На пред-писание.

– Жак, – сказал эвакуатор предупреждающе. – Ты пьян.

И когда только успел. Не хватало ещё поссориться с прокуратурой; Жаку-то что, а им с Питером работать и жить... Терье секунду смотрел куда-то в лоб Жаку, еле заметно морща нос. Затем сказал вежливо и холодно:

– Это предписание вас не касается. Соответственно, я не имею права вам его показывать.

– А ему, – Жак лихо мотнул головой в сторону Питера, – вы имеете право его показывать?

– Жак, – повторил Аслан, уже с нажимом. Жак повернулся к нему, сделал страшные глаза и с силой прижал палец к губам. Раздался отчетливый шлепок – он промахнулся и попал себе по щеке; на секунду он стал похож на пригорюнившуюся вдовушку.

Младший прокурор посмотрел прямо в глаза Питеру.

– Разумеется. Если они изъявят такое желание.

Жак, не обращая внимания на эвакуатора более, подошёл к Питеру, обнял его за плечи и зашептал ему прямо в ухо так, что слышно было через три улицы:

– Пр... предписание на гербовой бумаге, с баааль-шой печатью. Ещё там должна быть малая печать, это его лич-чная.

Рисунок печати – как на шевронах. Вот.

И ткнул пальцем ниже прокурорского плеча.

– Жак, – в третий раз произнёс Аслан из-за его спины, уже немного устало. – Они же были и в Академии, и у нас. Извините его, господин прокурор.

– Вы, господин Делакур, хорошо осведомлены, – сказал младший прокурор с легким смешком. – Всё это у нас есть.

– Делак-ру-а, – громко и раздельно поправил его Жак и размашисто кивнул головой. – Квашмуслгм. Т-р-го-ва-финсссс... Ну вы поняли.

Питер, старательно и чётко выговаривая слова, произнёс негромко:

– Я бы взглянул на предписание. Если можно.

И удивился сам – язык не заплетался. Терье неожиданно улыбнулся и произнёс:

– Что?

– Я хочу посмотреть предписание, – твёрдо сказал Питер.

– Жак! – воскликнул эвакуатор, подхватил финансиста под руки и быстро увёл его к кустам, откуда немедленно понеслись утробные звуки, исполненные, тем не менее, чувства выполненного долга.

– Это напрасная трата времени, господин Кафор, – сказал Терье, словно бы ничего не заметив. – Лучше проводите меня к мобиле. Где вы его прячете?

Питер не понял. Мобиль, освещённый и выглянувшей луной, и светившийся сам, был прекрасно виден с того места,

где они стояли.

– Мы его не прячем, – осторожно сказал он. – Если хотите, ты вы легко можете его увидеть.

И отошёл назад. Может, ему просто из-за порога не видно?

Терье шагнул на веранду, встал на крыльце, равнодушно оглядел тёмный сад. Взгляд его скользнул по мобиле, остановился на силуэтах – полусогнутом Жака и терпеливо стоящего рядом Аслана.

– Вы его закопали, что ли? – презрение и пренебрежение были в голосе младшего прокурора.

Дьявол, да он же его не видит, чуть не сказал вслух Питер.

Он – его – не видит.

«Саркофаг – умный».

– Я имел в виду, – запинаясь, проговорил он, – что если бы он был тут, то вы бы его увидели. Но его здесь нет, поэтому его и не видно.

Младший прокурор задумчиво и пристально посмотрел на него; Питер выдержал взгляд, изобразил на лице простодушие и гостеприимство, и сделал приглашающий жест в гостиную.

– Пройдёмте, – сказал он. – Нам надо одеться и собраться. Да же, Аслан? – повысил он голос.

«...и если рядом будет враг, он тоже не откроется».

– Да-да, – Аслан ещё не понял, что к чему, но решил следовать за Питером. Жак к этому моменту уже упал на кучу

листьев под яблоней и, похоже, уснул – и судя по его виду, даже во сне ему было очень весело. Терье кивнул и отошёл вглубь гостиной; его квинтет молча торчал в разных углах комнаты, точь-в-точь как на кафедре в Академии. Незаметно заглянув за камин и убедившись, что всё на месте, Питер извиняющимся тоном проговорил:

– И всё же, господин Терье, я бы хотел ознакомиться с предписанием.

Только потом, вспоминая эту ночь, ставшую началом их пути, он понимал, что момент был выбран крайне неудачно. Как-то так вышло, что они с Асланом находились в разных концах гостиной, причем рядом с каждым было по трое прокуроров. Только потом стало ясно, что это получилось вовсе не случайно, и только потом они удивлялись, как же всё обошлось и все остались живы – особенно Питер.

Только потом. Много, много позже.

13

– И всё же, господин Терье, я бы хотел ознакомиться с предписанием.

Господин Терье покивал медленно, затем повернулся к своему помощнику, тому самому, что копался в шкафу Питера на кафедре, и приказал:

– Покажи.

Тот прошёл к столику у камина, вынул из-за пазухи свёрток и начал разворачивать его на столе. Поднял голову, коротко мотнул ею Питеру – иди сюда, мол, смотри.

И Питер пошёл, дурак.

И, дурак, даже наклонился над столиком, с изумлением глядя на ворох тряпок, испачканных тёмным, ища глазами что-нибудь похожее на гербовую бумагу с большой прокурорской печатью. Что-то тускло сверкнуло внизу, у груди, и плечо ожгло болью. Питера спасла лишь его реакция – длинный стилет не попал в сердце, а прошёл выше и левее, над подмышкой.

Он отскочил, держась за плечо, и рванулся к камину, но было поздно – Терье сшиб его в феноменальном прыжке; рыча, они покатались по полу, снося стулья и кресла. Тем временем Аслан сошёлся врукопашную с тремя прокурорами у дверей, тоже прорываясь к камину: за ним лежала сабля Питера, а рядом, в куче вещей, была и сабля Аслана.

План не задался с самого начала. Питер кое-как оторвал от себя Терье и забежал на лестницу на второй этаж, туда же запрыгнул и Аслан, чудом вывернувшийся от троих сразу. Утешало лишь то, что не у них одних дела шли не так, как надо: Терье встал, огляделся и злобно заорал на того, что был со стилетом:

– Ты какого чёрта творишь?

От звука его голоса все прокуроры, полезшие было за Питером и Асланом, замерли и повернулись к нему. Было в этом что-то знакомое, только Питер не мог вспомнить что... Все, кроме того, что со стилетом: этот вытер своё оружие, быстро завернул его в тряпки, спрятал за пазуху и произнёс

негромко, глядя наверх:

– А что такое.

От его невыразительного взгляда и скрипучего голоса по шее Питера пробежали холодные мурашки. Ай-яй-яй, как же я проглядел-то... Видно же, видно было с самого начала – никакие это не прокуроры, святые небеса, как можно быть таким тупицей? Он повернул голову и встретился взглядом с эвакуатором, стоявшим рядом. Аслан криво улыбался. Питер глазами спросил его – чего, мол?

– Да у них же шевроны разные, – сказал Аслан и заперхал сдавленно. – И форма не по размеру.

– Вот я баран, – с чувством произнёс Питер.

– Я же тебе дал предписание! Просто показать! – Терье ошутимо сбавил тон, но злоба в его голосе осталась прежней и клекотала, казалось, ещё сильнее. – А ты в него свою тыкалку завернул... Там же написано, печать...

– Написано, – насмешливо повторил Стилет.

– Он читать не умеет, – догадался Питер.

– Дьявол. Дьявол! – произнёс младший прокурор в отчаянии и злобе. – Они бы сами отдали, своими руками.

– Ну конечно, – прокомментировал Аслан.

– Они и так отдадут, – сказал Стилет. – Разберись с ними, а я сейчас третьего...

– Жак, – коротко выдохнул Питер, и только они, не сговариваясь и не думая ни секунды, собрались прорываться к черному ходу, через головы подступающих бандитов, как

дверь на веранду распахнулась и в гостиную с диким боевым кличем ворвался человек с чем-то длинным, неудобным, но зримо тяжёлым наперевес. Дальнейшее очень походило на ожившую иллюстрацию к школьному учебнику по механике, той его части, где говорится про вращение и взаимное соударение тел – или на назидательные рисованные истории о вреде пьянства, что общество тайных трезвенников развешивает у входа в злачные заведения.

Будто небольшой, но очень увесистый вихрь прошёлся по гостиной. Переодетые прокурорами грабители оказались разбросанными по разным углам, а в центре, слегка покачиваясь и тяжело дыша, стоял Жак – это, конечно же, был он – с отпиленной неделю назад Питером ногой чудовища в руках.

Это было первое чудо, сотворённое Жаком за этот вечер, причём самое меньшее из трёх, но его друзья об этом пока не знали; они просто спрыгнули через перила лестницы, подбежали к камину и достали своё оружие.

– Вот теперь можно и поговорить, – сказал Аслан.

Но разговора не получилось.

14

Тот, кого Питер про себя назвал Стилетом, был незаурядным человеком и знал это. С самого детства ему очень нравились деревянные кубики за простор, который они дают воображению; чуть позже он стал заводилой во всех играх, причем таким, который не собирает все лавры себе, а даёт поучаствовать каждому; всё указывало на то, что из него полу-

чится хороший руководитель.

Так и вышло.

Как хороший главарь, он всё умел делать лучше своих подчинённых: быстрее и точнее работал ножом, мог не спать несколько дней, имел звериное чутьё на ловушки и легко сходилась с самыми разными людьми, вызывая доверие и располагая к себе с первых слов; владел тайным знанием, как перерезать железную решётку с помощью иголки и листа бумаги – и не раз этим знанием пользовался; знал все приёмы шулерской игры в бочку, карты и в посошок, и, что было совсем поразительно, умел фехтовать. В доках Массальи, самого крупного из череды торговых городов на южном побережье, такое умение было не в чести, поскольку выдавало в его обладателе как минимум хорошее образование, а образование значит деньги и статус – а все, кто имел деньги и статус, были естественной добычей для этих убийц, воров, мошенников, грабителей, бродяг в бог знает каком поколении, без роду, без племени, без семьи и родины. Но он не собирался всю жизнь проторчать там, грызясь с прочим сбродом за право ощипывать проходящие в порт корабли, его путь лежал много выше титула ночного короля пристани, поэтому, как только выпал случай, он взял несколько уроков у одного студента. Заплатил он очень щедро: коротким взмахом ножа избавил своего учителя от уготованного ему трюмного рабства.

И как пока ещё живой главарь, он ни секунды не коле-

бался, если надо было выбрать между делом и жизнью подельника. Его специализацией стали крупные сложные заказы: убийства и ограбления, требующие тщательного планирования, точнейшего подбора людей – и гарантированного устранения этих людей после исполнения. Встреча с Терье, действующим прокурором и чёрным некромантом, была редчайшей удачей – и в этом Стилет усматривал и хорошее, потому что с Терье всё завертелось очень быстро, и плохое, потому что все старые его дружки, испугавшись чертовщины, слиняли, и ещё потому, что слишком много удачи – это тоже плохо. Фатум вольного бродяги скуп до безобразия и за каждую мелочь приходится платить сторицей, и те из вольных и лихих, кто выжил после оплаты самого первого счёта, понимают это очень хорошо. Стилет выжил.

Фернан Дэль – такое имя он выбрал себе. Своё настоящее имя, зубодробительную скороговорку из пяти длинных слов, из которых только два были более или менее французскими, он сам вряд ли помнил, да и незачем было. Пусть имя порой определяет судьбу, но чаще судьба сама даёт тебе подходящее: Исповедник, Хромой, Посланный небом, а то и Потрошитель, Кровавый или просто Синий Зуб – и большая удача, если это случается при жизни, ведь так у человека есть шанс понять, к чему он родился на свет; но чаще подлинное имя обретается лишь после того, как смерть подведёт свой итог. Поэтому неудивительно, что Фернан Дэль, или просто Дэль, как его называли, охотно отзывался и на кличку Сти-

лет. Дэлю нравился стилет – за свою беспощадную нацеленность, за исключительную требовательность к руке; он был больше, чем орудие убийства – он был равный тебе, не терпевший слабости и не спускавший ошибок. Вроде той, что несколько минут назад спасла жизнь Питеру. Удар в сердце – привилегия мастеров; люди попроще бьют в живот, в печень или в солнечное сплетение, затем уже добивают, так надёжнее. Но Дэль на секунду утратил самообладание и позволил гордыне управлять своей рукой – и стилет этого не простил. Кроме того, убивать Питера вообще было не надо, лишний убитый – оплошность ничуть не меньшая, чем оставленный в живых человек, а может, и большая, потому что исправить её уже нельзя. Оставалось лишь сделать вид, что так и задумано, но про себя Стиллет, придававший большое значение знакам и приметам, решил держать ухо востро, глупостей и поспешностей далее не творить, а при первой же опасности – линять.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.